

Кристина Майер

На нее запрет. Дочка Шаха

<https://litres.ru/74694802>

Аннотация

— Я боюсь тебя, — шепчу в темноте. Прошрое, где он был моим старшим заботливым другом, давно размыто. Теперь это совсем другой, незнакомый мне мужчина. Не вижу Бессонова, но каждой клеточкой ощущаю его присутствие. — Я тебя не обижу, — звучит холодный равнодушный голос. Пусть его слова и кажутся клятвой, меня это не успокаивает. Он опасен и жесток, я всегда это чувствовала. Лев уничтожит любого, кто встанет у него на пути. Тогда почему к страху примешивается волнение, когда раздаются его тихие приближающиеся шаги? Подтягиваю под себя ноги, будто эта поза способна защитить меня от него. Бессонов присаживается возле меня на корточки – так близко, что я ощущаю его дыхание на своем лице, когда он произносит: — Ты моя, просто еще не поняла этого...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	58
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	77
Глава 16	82
Глава 17	86
Глава 18	90
Глава 19	94
Глава 20	98
Глава 21	102
Глава 22	106

Глава 23	110
Глава 24	115
Глава 25	119
Глава 26	123
Глава 27	127
Глава 28	131
Глава 29	135
Глава 30	140
Глава 31	144
Глава 32	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Пролог

Лев

Спускаясь на кухню, тормознул на лестнице. Судя по звукам, доносящимся снизу, папа с мамой немного увлеклись. Не хотел их смущать. Они не знают, что вчера ночью я вернулся домой, хотя предупреждал, чтобы не ждали. Хорошо, что мелкие еще спят, отсыпаются в каникулы...

— Милаха, я сейчас точно опоздаю, — рыча произносит отец, отрываясь от мамы. Я темпераментом, видимо, в него пошел: какой бы долгой ни была ночь, утром мне тоже надо.

— Так иди, я тебя не держу, — смеется игриво мать.

Прислонившись к стене, жду, когда они договорятся. Мог бы переждать в спальне, но боюсь, мелкие застанут родаков за непотребствами.

— Ладно, милая, мне действительно пора. Вернусь, продолжим, — ухмыляюсь от предупреждения отца. Я не устаю поражаться их любви, столько лет женаты, а ведут себя, как молодожены.

Когда со двора доносится звук двигателя, спускаюсь в кухню. Мама стоит у плиты, вся раскрасневшаяся, прячет от меня припухшие губы. Ей нечего стыдиться, они с отцом заслужили свою любовь. Приятно наблюдать нежность, любовь, счастье. Горд за отца, что он с такой страстью продолжает желать единственную женщину.

— Лева, ты же сказал, останешься у друзей? — спрашивает мама, удивленно поглядывая на меня через плечо, в глазах загорается тревога.

— Мам, все хорошо, ничего не случилось, я ни с кем не подрался, просто решил, что в своей постели спится лучше, чем на матрасе, брошенном на полу, — прячу разбитые косяшки на правой руке.

Никто мне на полу не стелил, я планировал провести ночь у девчонки, но там неожиданно нагрянули родители в гости. Она просила остаться, но мне не комильфо трахать телку, когда за стеной спят ее родители.

— Ты вчера рано ушел со дня рождения Камиллы, — мать не обвиняет, просто пытается понять, что происходит.

Самому бы разобраться. Почему все мои мысли возвращаются к ней...

— Дела были, — веду плечами, прохожу к кофемашине, тыкаю на нервяке не на ту кнопку, мама, естественно, сразу это замечает:

— Ты стал пить латте? — скептически выгибает бровь.

— Что-то захотелось, — произношу вслух, про себя цежу мат. Захотелось латте, совсем мозгами поехал!

— Ты вчера неожиданно появился у Шаховых, — продолжает мама допрос. Я могу понять, что она волнуется, но мысленно я просто умоляю сменить тему. И так нервы на пределе. Хочется верить, что родители пока не заметили, что мои теплые чувства к Камилле переросли в одержимость.

Как только я понял, что мое отношение к ней перестало быть только заботой о мелкой девчонке, путающейся вечно под ногами, свалил в Америку. Два года держался от нее на расстоянии, надеялся, что отпустило. Не отпустило! Вернулся полгода назад, планировал навсегда, а теперь снова ищу повод, чтобы свалить...

— Некрасиво с моей стороны было проигнорировать день рождения дочери ваших друзей, поэтому решил заехать поздравить, — подчеркиваю своими словами свое мнимое равнодушие.

Не стоит волновать родителей. Ей шестнадцать, и она дочь лучшего друга моего отца. Еще мелким пиздюком усвоил, что эта девочка неприкасаемая.

— Ты правильно поступил, — произносит мама, а я считаю в ее взгляде беспокойство.

Правильно? Хрен там поступил правильно! Не нужно было возвращаться!

Не смог вчера остаться в стороне. Сидел на набережной, дымил одну за другой. Уговаривал себя не ехать к Шаховым, знал ведь, что разбужу в себе сталкера. Сорвался. Купил по дороге цветы с себя ростом и полетел ее поздравить. Нарушая установленные правилами ограничения скорости, был на месте через полчаса.

Встретила меня Камилла в красном платье с длинным разрезом на ноге и открытыми плечами. Будь моя воля, я бы заставил ее переодеться. Мне не нравилось это платье – слиш-

ком откровенное, оно делало ее взрослее.

— Привет, — поправляя копну густых длинных волос, она подошла ко мне. Наверное, выражение моего лица заставило ее волноваться, она оглянулась в поисках отца. Будто я могу ее обидеть!

— Привет, с днем рождения, — протянув букет, наклонился и обнял. Всегда так поступал, не было причины изменять традиции.

В нос ударил свежий сладкий аромат.

— Я ненадолго, — предупредил, тут же от нее отстраняясь. Нужно было сваливать, пока Марат не заметил, что меня кроет от его дочери.

Худая девчонка с большими голубыми глазами, упрямым подбородком, вздернутым носом и красивыми пухлыми губами — стала для меня неизлечимым вирусом. Позволю себе полностью ею заболеть — натворю дел! Ками шестнадцать, а я почти на десять лет старше. Разрешить себе любовь — рассорить старую дружбу отца с Маратом. Они не поймут, не примут. Я бы сам не понял, если бы кто-то из парней нашего круга стал подкатывать яйца к Уле. На этих бы самых яйцах повесил!

Поздоровался со всеми, а минут через двадцать праздничного веселья стал прощаться. Не могу весь вечер украдкой пялиться в ее сторону.

— Ты уже уходишь? — разочарованно закусывает губу.
— Даже не потанцуешь с именинницей? — поддразнивает

меня, заставляет улыбнуться. Мы оба помним ее первый танец. Тогда все было просто и понятно, я не болел ею. Ками было шесть, она обиделась, что ее никто не приглашает танцевать. Подхватив на руки малышку, я закружил ее в первом вальсе...

— К вечеру у тебя ноги будут отваливаться от танцев, — кивнув на туфли с высоким каблуком. — У тебя сегодня и без меня много партнеров, — про себя старался не думать, что желаю парочке из них стесать нос, слишком нагло себя ведут. Но тут и без меня охраны полно.

— Ты изменился, — негромко произносит она.

— Все мы меняемся, — внутри меня разрывало от противоречивых чувств: с одной стороны, хотелось скорее убраться, с другой — чтобы убрались все остальные...

— Тогда мне легко было тебя любить, а сейчас ты такой закрытый, что я не знаю, как к тебе подойти, — ее прямота и честность рубят мой контроль. Мозгами ведь понимаю, что она о дружбе толкует, а все равно голову кружит.

— Тогда ты была мелкой занозой у нас в заднице, мы боялись, как бы с тобой ничего не случилось, поэтому и носились с тобой. А теперь ты почти девушка...

— Почему почти? — перебивает, недовольно хмурит брови.

— Расскажу через два года, — впитываю в себя черты ее лица.

— А что будет через два года? — невинно смотрит на ме-

ня.

«Ты станешь моей!» — про себя твердо и уверенно, но в душе понимаю, что родители будут против наших отношений.

— Придет время — узнаешь...

В этот момент подходит какой-то хмырь, выглядит чуть старше Камиллы. Меня просто кроет, что он посмел нарушить мои границы, вторгнуться в наш разговор. В руках тарелка, на которой лежат пирожные.

— Ты куда-то шел? — грубо интересуюсь, молокосос вздрагивает.

— Лева, познакомься, это мой парень — Андрей, — улыбается Ками, хватая его за руку. Вижу, что их пальцы переплетаются. Я замечал, что он весь вечер трется возле нее, но... парень?

Парень, вашу мать!

Я Лютаеву Ваньке оторву голову, чтобы не смел больше ничего скрывать!

— Я попросила его принести макарон с праздничного тор-та, я знаю, что ты их любишь, — продолжает Камилла, протягивает мне, улыбается. Ей хочется сделать мне приятное. Знала бы она, каким ядом сейчас наполнила эти пирожные.

Забираю тарелку, глядя на них, запикиваю одно пирожное в рот, медленно пережевываю. Впервые сладости вызывают такое отвращение.

— Спасибо, было очень вкусно! — возвращаю ей тарел-

ку. Тону в голубом омуте ее глаз, и даже злость на секунду исчезает, пока не замечаю чужую мужскую руку на ее талии. Складывается ощущение, что этот утырок ищет у Ками защиты, но мою ярость это нисколько не уменьшает.

Нужно отсюда сваливать, пока я Андрюхе руки не переломал...

— Лева, ты пойдешь? — голос мамы выдергивает из воспоминаний вчерашнего вечера.

— Куда? — не сразу понимаю, о чем она спрашивает. Забираю латте и сажусь за стол.

«Что за гадость!» — после первого выпитого глотка.

Мама удивленно смотрит на меня, но, будто что-то понимая, произносит:

— Лера пригласила на торт.

— Я не ем сладкое... — поднимаю взгляд от кружки, мама с недоумением смотрит на меня. — С недавних пор у меня на него аллергия...

Глава 1

Камилла

Окончив школу, мы тут же чувствуем себя взрослыми. Хочется многое попробовать, узнать что-то новое, перешагнуть через родительские запреты и табу. Все взрослые понимают: нельзя удержать молодежь от соблазнов взрослой жизни. Пусть не все я готова попробовать, в планах на этот вечер вкусить лишь немного запретных плодов, но для смелости мне нужно чуть-чуть выпить. Когда мой одноклассник начинает разливать шампанское, я подставляю свой бокал.

— Ты не будешь пить, — тихо злится, Ванька накрывает бокал рукой, не позволяет Шнуркову налить мне шампанское. Какое-то время мы молча прожигаем злыми взглядами друг друга, он не уступит, а я не собираюсь сдаваться.

— Ну, вы тут разбирайтесь, а мы пока выпьем, — смеется Шнурков, его глаза уже странно блестят. — Только помните, что бухла тут мало.

— Вань, ты мой друг, а не отец, — подаюсь вперед и шиплю прямо ему в лицо. — Это мой выпускной! — от бессильной ярости сжимаю руки в кулаки. Перевожу взгляд на Андрея — он, как всегда, выбрал позицию наблюдателя. Хоть бы раз заступился и встал на мою сторону!

— Я обещал Марату за тобой присмотреть, — произносит друг, убирая ладонь от моего бокала.

— Вот и смотри на расстоянии, не мешай праздновать. Я хочу немного выпить, — отворачиваюсь от Ваньки, но натываюсь на серьезный взгляд своего парня. Деспоты!

— Здесь ты пить не будешь, — бескомпромиссно.

Папа разрешал нам выпить немного шампанского в Новый год, но категорически возражал, чтобы я пила на каких-нибудь вечеринках.

— Хоть попробовать дай, я такое еще не пила! — корчу ему рожицу.

— Ками, что его пробовать? Не всякую гадость нужно совать в рот, — ляпает Ванька, мы оба осознаем двусмысленность фразы. Я стараюсь не засмеяться, а Ванька с укором смотрит на меня, будто я виновата, что он не следит за своим языком.

В голове рождается пошлый образ, возникает желание пошутить, но при взгляде на Андрея оно пропадает. Он вечно такой серьезный, словно моя совесть.

Спустя время мне стало понятно, почему отец разрешил Андрею за мной ухаживать. Этим решением он обезопасил меня от всех других претендентов, которые были на тот момент, при этом он мог быть спокоен, потому что правильный Андрей не станет нарушать запретов, выдвинутых Маратом Шаховым, а в том, что они были, я не сомневаюсь.

— С вами попробуешь! Никакой жизни, обложили со всех сторон. Я ведь не собираюсь напиваться, Вань, — все-таки еще надеюсь его уговорить.

— Помнишь, в седьмом классе я наваял тебе за то, что ты с девчонками в туалете пробовала курить? Ты ведь мне до сих пор благодарна? — ухмыляется довольно Ванька. Как-то вечером, расчувствовавшись, когда мы сидели на террасе у нас дома, я призналась, что благодарна ему, вот он теперь и важничает. О том моем опыте не знает никто, кроме Ваньки и девочек, с которыми я курила тогда в туалете.

Нет, знает еще один человек, я до сих пор не простила Ваньке, что он рассказал тогда Леве. В тот день он прислал мне сообщение.

«Ками, не спеши становиться взрослой, ничего кроме разочарования это тебе не принесет. В следующий раз, если ты захочешь покурить, сообщаем и куришь при мне».

Я не ответила на то сообщение, хотя запомнила его дословно, сразу удалила, но чувство стыда долго еще преследовало меня. Помню, как я старалась не попадаться Леве на глаза. Речи не могло быть о том, чтобы закурить при нем. Да и вообще, представив эту ситуацию, я сразу же чувствовала себя маленькой глупой девчонкой. Ванька до сих пор думает, что это он уберег меня от пагубной привычки. Если только косвенно, на меня отрезвляющий эффект произвело сообщение Левы.

— Вань, я ведь не стану зависимой от одного-двух бокалов, — строю жалостливую моську, иногда это срабатывает.

— Двух? — вмешивается Андрей. Возникает желание его стукнуть. — Женский алкоголизм...

— Да ну вас, — перебиваю Андрея, не хочу его слушать.
— Вань, иди веселись, хватит при мне цербером быть, не надоело? — обижаюсь и ухожу к девчонкам.

Мы с Ванькой часто ссоримся, но через минуту общаемся, будто ничего не случилось, не могу я на него долго злиться. С Андреем все по-другому, он не дает поводов для ссор, достойно принимает все мои выходки и капризы, но мне с ним в последнее время скучно. Я точно знаю, что он сделает или скажет в любой ситуации, его сложно вывести из себя, невозможно подбить на сумасбродство. Порой он утомляет своей серьезностью. Оглядываясь назад, я удивляюсь, как могла остановить свой выбор на нем. Не должны отношения с мужчиной вызывать скуку! Что угодно, только не скуку...

Если единственным развлечением для меня являются танцы, то стоит идти и танцевать. За пультом крутой ди-джей поздравляет выпускников с окончанием школы.

— Я его сегодня по-любому соблазню, — произносит Настя Авдеенко, глядя на Ваньку. Облокотившись на колонну, он пристальным взглядом следит за моими перемещениями. Остается только закатить глаза!

Слишком серьезно кто-то относится к словам моего отца. Что со мной может случиться? Здесь каждый знает, чья я дочь, никто не посмеет меня обидеть. Хорошо, что мы поступаем в разные ВУЗы, отдохну хоть немного от вечного контроля.

— Удачи! — искренне желаю однокласснице. Она давно

в него влюблена, а Ваня не отвечает ей взаимностью. Настя красивая, много парней в нашей школе добивались ее внимания, но она их использовала, только чтобы вызвать ревность Лютаева. А этому чурбану бесчувственному все равно.

— Ками, я специально для тебя припрятал бутылку шипучки, — заговорщицки шепчет Шнурков, играя бровями. В каждом классе есть свой беспределщик, весельчак и балагур, у нас это был Лешка. По некоторым ребятам я буду очень скучать, но не по школе.

— Ванька и Андрей за мной следят, — последний как раз шел в нашу сторону.

— Коктейль возле твоей тарелки только с виду безалкогольный, — подмигнув мне, Лешка в танце отчаливает на танцпол, подхватывая кого-то из девчонок. Пока Настя пристает к Ваньке, я огибаю колонну, добираюсь до своего места за столом. Удалось не пересечься с Андреем. В том, что Шнурок ничего лишнего мне не подсыплет, я не сомневаюсь. Лешка может шутить, позволить себе какую-нибудь пошлость, но он не отморозок.

После первого обжигающего глотка по телу прошла волна тепла. Крепость тут больше чем у шампанского! После второго глотка глаза в кучку собираются. Не стоило бы спешить, но Ваня и Андрей мне не оставляют выбора.

— Камилла, потанцуем? — возле меня неожиданно материализуется Андрей, протягивает руку в галантном жесте. Не спешу принимать приглашение, у меня тут коктейль

недопит. Если сделаю еще два глотка, то рассвет ребята встретят без меня... но я все-таки рискую и допиваю напиток до дна.

Принимаю приглашение Миронова. Пока он кружит меня в медленном танце, я стараюсь разлепить веки, на которые словно повесили гири. Вместо веселья меня клонит в сон. Меняется ритм музыки, теперь это зажигательные мелодии.

— Ну как? — танцуя возле нас, спрашивает Шнурков. Из-за громкой музыки мы практически не слышим друг друга, читаем по губам. Я особо и не напрягаю голосовые связки, когда произношу:

— Спасибо.

Лешка, кивнув, тут же отплыл в сторону. Андрей притянул меня к себе в собственническом жесте, он ревнив, я давно это заметила. Несмотря на быструю музыку, медленно качал меня в своих объятиях.

Глядя мои обнаженные плечи, он признавался мне в любви. Столько раз слышала от него эти слова, что они перестали отзываться внутри меня волнением. Нашим отношениям не хватало страсти, я хотела это исправить. Пуританские поцелуи невыносимо раздражали почти с первых дней наших отношений, а мы в них состоим уже два года. И ничего, ничего не изменилось! Легкие касания губ при встрече и на прощание.

— Поцелуй меня, — впервые прошу — чтобы набраться смелости, мне нужно было немного выпить. Андрей тянется

к моим губам, касается их невесомо.

— Не так, Андрей! По-настоящему, ты когда-нибудь слышал о французском поцелуе? — раньше мне гордость не позволяла об этом заговорить, но теперь градус в крови повышен, что добавляет мне распушенности.

— Слышал! — начинает почему-то злиться.

— А тебе не приходило в голову применить его хоть раз? Ты как пенсионер себя ведешь... или импотент, — вторую часть чуть тише произношу, но именно она срывает маску чопорности с его лица. Оглядывается, хочет убедиться, что нас никто не слышал.

— Идем, — хватает за руку и тянет куда-то.

Неужели я смогла вызвать в нем проявление страсти? Я думала, мне понадобится больше времени и усилий. Слабость и легкая эйфория продолжает управлять моим телом, когда мы поднимаемся на второй этаж. Проходим банкетный зал, сегодня он пустует. Открыв дверь, выходим на балкон, отсюда открывается вид на внутренний дворик. Внизу горят несколько желтых фонарей, но до второго этажа их свет не долетает, тут темно.

Андрей тащит меня в дальний угол. Не сопротивляюсь, мне хочется ощутить страсть парня, с которым я встречаюсь уже два года. Если этого не произойдет, есть повод задуматься. Когда я слушаю рассказы подруг о том, как у них обстоят дела с парнями, задаюсь вопросом: что со мной не так?

Прижимая к стене, Андрей нависает надо мной.

— Целуй, не бойся, — затаив дыхание, жду. Он волнуется больше моего. Его волнение сбивает весь настрой.

Мы одновременно потянулись друг к другу, стукнулись неуклюже зубами, но Миронова это не остановило, он жадно припал к моим губам.

«Оказывается, он умеет целоваться», — проскальзывает мысль, я открываю рот, позволяю его языку вторгнуться на мою территорию.

— Ками, я хочу тебя, — сжимая меня в крепких объятиях, шепчет надрывно Андрей. Его слова отзываются внутри меня восторгом. — Ты такая красивая, я с ума по тебе схожу.

Мое внимание отвлекает вспыхнувший в темноте огонек сигареты. Наблюдаю за тем, как он опускается вниз, уголек гаснет. Через несколько секунд вновь вспыхивает на уровне лица. Ощущение, будто кто-то играет с нами. Тревожно начинает биться сердце.

Андрей целует мои плечи, что-то шепчет, а я заморожено смотрю в ту сторону, где у лица вновь вспыхивает красный уголек. Это мужчина... это точно мужчина, но я не могу рассмотреть черты его лица...

Глава 2

Камилла

Возле губ мужчины вновь загорается красный уголек. Затянувшись, наблюдатель выбрасывает окурок, он гаснет, не долетая до земли. Скорее всего, в углу стоит урна, я просто ее не вижу.

— Ками, я так тебя люблю, — тем временем продолжает шептать Андрей.

Он все еще целует мою шею, обводит языком ухо. Вздвигаю от щекотки. Не понимаю, нравятся мне его ласки или нет. Как-то не до Андрея было последние секунды. Кто бы там, в темноте, ни стоял, он испортил мой эксперимент!

— Давай поженимся... — влажно дыша, куда-то в шею шепчет Андрей. Не реагирую никак на его предложение. Я такой вариант даже не рассматриваю. — Твой отец не позволит...

Что не позволит мой отец, остается для меня загадкой, потому что в это самое время наблюдатель отрывается от противоположной колонны и движется в нашу сторону. Я напрягаю зрение, но вижу лишь темный силуэт. Стук сердца в голове глушит все остальные звуки. Ускоряется бег крови, срывается дыхание. Все органы чувств бьют сигнал тревоги.

— Ты такая страстная... — Андрей думает, что реакции моего тела связаны с возбуждением. Уверенный в том,

что его действия доставляют мне удовольствие, он проводит языком по шее. Меня передергивает, ощущение такое, словно собака лизнула. Ну, так себе ласка, может, просто она хромает в его исполнении? Целуя влажными губами мое лицо, он впивается в губы, а я не отвожу взгляда от незнакомца. Мне кажется, он тоже смотрит на меня.

Крадучись, словно дикий зверь на охоте, он приближается к нам. В голове на секунду промелькнула мысль, что я откуда-то его знаю. С чего я это взяла, если так и не сумела разглядеть лицо? Вряд ли я способна в темноте узнать человека по походке.

В солнечное сплетение бьет огненный шар, когда мне удастся рассмотреть черты лица мужчины... Лева! Я не видела его два года! Последнее время, прилетая в Москву, он не приезжал к нам в гости. О том, что он в России, я узнавала от Ули – его сестры, или Ваньки. Последний раз мы виделись у Соколовых...

Андрей еще не понял, что мы не одни. Вжимая меня в стену, он терся возбужденным членом о мой живот. Я вмиг протрезвела. Если еще несколько минут назад идея распалить Андрея казалась мне заманчивой и любопытной, то сейчас ничего кроме раздражения я не испытывала.

Заложив руки в карманы черных брюк, Бессонов стоял за его спиной. Удерживая мое лицо руками, Андрей яростно терзал мои губы. Дорвался! Картина просто отвратительная – один целует, второй наблюдает.

Лев изменился: стал еще крупнее, раздался в плечах и будто стал выше, хотя это, возможно, мне только кажется. Страх порой играет с нами злые штуки. А я сейчас отчего-то испытывала именно это чувство. С чего вдруг? Лева никогда меня не обижал. Но в данный момент его энергетика пугала, я не могла рассмотреть его взгляд, но почему-то была уверена, что он жесткий и злой.

Кажется, будто мы стоим так уже час, а ведь всего лишь прошло несколько секунд, просто время... оно будто остановилось, а у меня парализовало тело и мысли, оставив лишь чувства, которых сейчас в избытке.

— Андрей, — отворачиваю лицо. — Остановись. Да остановись ты! — тихо цежу сквозь зубы, упираясь руками в его грудь.

Андрей просто не успевает отреагировать на мою просьбу. Схватив его, словно нашкодившего щенка, за ворот пиджака, Лева одним движением отрывает от меня парня, швыряя того об стену. Мне показалось, что он даже усилий не приложил, когда все это проделывал. Не слышу, чтобы у него изменилось дыхание.

Я смотрела почти все его бои, радовалась победам, а вот сейчас, наблюдая воочию, каким жестким и беспощадным он может быть, мне становится страшно. Спокойный, холодный, жестокий, уверенный в себе...

— Никто не смеет к ней прикасаться, — вздрагиваю от его металлического жесткого голоса, по рукам и спине бегут

мурашки.

«Он даже не поздоровался!» — но возмущение быстро утихает во мне, когда Бессонов продолжает:

— Тебе ведь ясно дали понять: держи своего червя в штанах, — подхватывая одной рукой за грудки, дергает его наверх. Для меня не секрет, что Андрею прополоскали мозги, прежде чем разрешили за мной ухаживать, но то, что об этом знает Бессонов — позор!

— Отпусти его... Лева, — произношу имя с запинкой, словно ком в горле мешал его выговорить. Лучше бы я молчала...

Отпустил...

Сначала схватил двумя руками, а потом перекинул через балкон со словами:

— С этого дня ты близко к ней не подойдешь, — предупредил холодным тоном.

Испуганно вскрикнув, я кинулась к перилам. Высота небольшая, но при неудачном приземлении можно всего себя переломать...

Глава 3

Лева

Я пропустил ее восемнадцатилетние. Обстоятельства вынудили задержаться в США, но на выпускной решил прийти. Сначала не планировал показываться. Это ее вечер, пусть веселится, я присмотрю.

Попасть на закрытую вечеринку проблем не составило. Я в числе охраны, отвечающей за безопасность этого вечера.

От меня не ускользнул момент, когда Камилла выпила коктейль. Просмотрев камеры, убеждаюсь, что за несколько минут до этого туда было добавлено спиртное. В отличие от Марата, я не собираюсь запрещать ей взрослеть, попробовать алкоголь. Табу – наркотики и секс. Последнее только со мной!

«Что ты задумала, принцесса?» — незаметно следую за ними. Камиллу немного развезло, смешно тянет слова.

Темной яростью обдаёт нутро, когда наблюдаю, как Камилла тащит за собой сопляка. Марат только с одной целью разрешил ему ухаживать за дочерью – чтобы отвадил от нее всех других, более дерзких и напористых ухажеров. Тяжело было смириться и принять ситуацию, понимая, что он постоянно рядом с ней, вряд ли просто держится за руку, хотя Ванька и говорил, что там все целомудренно. Я просил за ней присматривать. Сам планировал, не вышло.

Отец заметил мой пристальный интерес к дочери его друга, вывез в тихое место, чтобы поговорить наедине. Суть разговора сводилась к тому, чтобы я нашел себе новое увлечение. Не выйдет у нас что-то с Ками, треснет многолетняя дружба.

— Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из сыновей моих друзей стал ухаживать за Улей, — произнес отец, до сих пор эта фраза стоит в голове, будто это было вчера. — Чужого я накажу, если обидит, а тут нужно будет делать выбор. Не заставляй нас с Маратом делать выбор.

Я не стал ему тогда признаваться, что уже решил уехать в Америку. На самом деле точно я тогда ничего не решил. Было желание остаться...

— А если все получится?

— Ей шестнадцать, Лева, Марат не даст согласия на ваши отношения. И я бы не дал.

— Когда ей исполнится восемнадцать, я вернусь, — твердо предупредил родителя.

— Лев, забудь про Камиллу, — его строгий тон не возымел никакого действия. В тот день я промолчал, хотя мне было что сказать. Не лечит ни расстояние, ни куча баб, которые прошли через мою постель. Печет в груди, и мысли все о ней. Сам бы хотел вытравить из души — не выходит.

Тряхнув головой, прогоняю воспоминания, достаю сигареты из кармана. Зачем закинул их? Обычно не курю, только в моменты, когда хочу снять напряжение. Сегодня пона-

добились, будто знал, что возникнет желание убивать.

Выбив одну сигарету из пачки, прикуриваю. Желание подойти и свернуть сосунку шею возникло сразу, как только он ее прижал к стене. В таком состоянии я опасен, поэтому решил дать себе время остыть.

Шум крови в голове заглушал все доводы разума. Я несколько лет выступал в боях без правил, чемпион мира, профессионал, контроль эмоций – одно из главных орудий к победе, но сейчас весь контроль сыпался пеплом к моим ногам.

Отравляю никотином легкие. Глубокая затяжка... еще одна... а в голове пелена не рассеивается. Только не убить его. Выбросив окурок, двигаюсь в их сторону. Я знаю, что Ками давно меня заметила, ощущаю ее страх, обычно она дерзкая и бесстрашная, а тут мое появление ее парализовало. Чувствую на себе ее взгляд, пробирает до нутра.

Мне лицо этого мальчишки хочется разбить в труху, чтобы никогда больше не смел к ней прикасаться. Никто не смеет ее трогать! Тереться своим отростком о ее невинное тело!

Отбросив его в сторону, я понимаю, что не успокоился. Внутри продолжает пылать такая ярость, что выместить ее можно только на чем-то... или ком-то.

Только испуганный вскрик Камиллы гасит темный огонь ярости в моей груди. Свесившись через перила, она громко зовет:

— Андрей! Андрей...

Он не должен был сильно пострадать. Даже в таком состоянии я бросил его так, чтобы он приземлился если не на ноги, то на задницу. Да и расстояние здесь игрушечное. Задний дворик ресторана находится выше основного здания. Метра два до земли, не больше.

— Все нормально, Камилла, — подтверждая свои слова жалобным стоном.

Спрятав руки в карманы, я не двигаюсь с места. Как и предполагал, пострадала лишь его гордость.

Шахова, убедившись, что с ее лобзателем все хорошо, резко разворачивается ко мне. Глаза даже в темноте горят таким огнем, что рассеивают мрак ночи. Но, видимо, выражение моего лица останавливает ее от необдуманных слов, приправленных злостью. Она делает шаг назад, словно отступает от хищника, и мне это не нравится...

Глава 4

Камилла

Медленно отступая назад, срываюсь на бег. Умом понимаю, что Бессонов не станет меня преследовать, но поведением управляют эмоции. Мое сердце трусливо бьется в груди. Не помню, чтобы я когда-то испытывала это чувство. Я выросла рядом с жесткими, сильными мужчинами, но их гнев никогда не был направлен в мою сторону. Такой мощной, уничтожающей энергетики не ощущала в жизни. Теперь я знаю, что значит протрезветь от страха. В крови не осталось ни грамма алкоголя.

Бессонов не задерживает меня, но я чувствую на себе его взгляд, который словно оставляет шрамы на коже. Перелетая через несколько ступенек, я быстро оказываюсь внизу.

— Потом, Леш, — отмахиваюсь от Шнурка, который хватает меня за руку и что-то пытается шепнуть на ухо. — Где здесь выход на задний двор? — останавливаю первого попавшегося официанта.

— Он закрыт для посетителей, — поясняет молодой парень.

— Там мой друг... он... спрыгнул с балкона, я хочу убедиться, что с ним все в порядке, — удивляюсь себе: почему я сказала неправду? Лева мог убить Андрея, а я его прикрываю.

Я делаю это только ради Артура и Милены – успокаиваю свою совесть.

— Он придурок? — интересуется официант недовольно. И даже не извиняется за то, что позволил себе подобный тон с гостями. Наверное, у владельца драконовские правила – штрафы за все, что творят гости.

А тут мог погибнуть человек! Случись с Андреем что-то плохое, у них у всех будут проблемы. И у меня тоже...

— Так получилось, — стараюсь даже улыбнуться, не выходит. Так себе объяснение, судя по выражению лица парня, но другого у меня нет. — С ним все в порядке, — спешу заверить и сотрудника ресторана, и себя. Во всяком случае, с Андреем все было в порядке пару минут назад. Надеюсь, это не последствия шокового состояния, когда мозг человека блокирует болевой синдром.

— Идите за мной, — произносит парень. Шепнув что-то девушке-официантке, передал ей свой поднос.

Официант подвел меня к администратору – высокому парню в черном костюме с бабочкой, сам обрисовал ситуацию. Выдержав еще один осуждающий взгляд, теперь я потопала следом за администратором.

— Дверь открывается только изнутри, — произносит Дмитрий, я успела прочитать имя у него на бейдже.

Мы заходим в VIP-зону, отсюда выход во внутренний дворик. Скорее всего, здесь отмечают небольшие банкеты, во дворе можно организовать шоу с аниматорами для детей или

устроить барбекю на свежем воздухе. За стеклянными дверями до сих пор темно, но силуэт Андрея, потирающего поясницу и зад, разглядеть можно отчетливо.

Видимо, он уже дергал ручку и понял, что закрыто, а теперь искал выход, обходя лужайку. Администратор зажег свет. Мой парень тут же отреагировал, немного прихрамывая, поспешил к нам навстречу.

Пока я пыталась вызволить своего парня, забыла о Леве, но теперь злость с новой силой всколыхнулась в груди. Он так безжалостно перекинул Андрея через перила, что мне до сих пор жутко от его поступка. Мне кажется, окажись внизу пропасть в десять этажей, Бессонов бы не дрогнул. Злость и страх — вот мои спутники на этот вечер.

— С вами все в порядке? — интересуется чопорно администратор.

— Все в порядке, один придурок... — но я не даю ему договорить, пихаю в бок.

Администратор подозрительно смотрит на нас, а потом, несмотря на то что Андрей вовремя замолкает, задает вопрос:

— Может, нужно вызвать полицию?

— Не нужно полицию, — нервно перебиваю.

Не думаю, что полиция задержит или как-то накажет Бессонова, но начнут выяснять обстоятельства, при которых произошел конфликт...

Намного опаснее, что сделает с Андреем и мной мой отец,

когда узнает, что предшествовало Андрюхиному падению.

— Возможно, скорую? — продолжает интересоваться администратор. На этот вопрос ответ может дать только Андрей.

— Все в порядке, — то ли храбрится, то ли действительно не хочет привлекать к нам лишнего внимания, понимает щекотливость ситуации.

Администратор, закрыв дверь, провожает нас до банкетного зала.

— Действительно тебе не нужно к врачу? — тихо спрашиваю Андрея, как только остаемся одни.

— Кто это был? — зло сопит мой парень. Я задумываюсь: соврать или сказать правду? — Ты назвала его Левой, — если я думала, что Андрей в пылу ссоры этого не заметил, то получается, что ошиблась. — Этот тот кикбоксер, который стал чемпионом в США?

— Да, это он, — нет смысла увиливать.

Беру парня за руку, хочу его немного успокоить, сначала он пробует вырвать ладонь, потом успокаивается и позволяет мне удерживать, гладить его руку.

— Откуда он здесь взялся? — никак не успокоится и не сменит тему. Я сама хотела бы знать ответы на эти вопросы. — Я думал, что за тобой только Лютаева присматривать оставили, — вновь начинает расходиться Андрей. Он уже не трет зад, но все еще хромает, когда мы продвигаемся к нашему столу. Я не задумывалась, что делает Лева в ресто-

ранее, но теперь становится понятным его нахождение здесь. Папа приставил его следить за мной.

— Вот ты где, — Ванька недовольно перекрывает нам дорогу, оттесняет от меня Андрея. — Ками, ты когда перестанешь влипать в истории? — зло шипит мне в лицо.

— Я?

— Ты! Здесь полно камер, безопасность заведения курируют ребята Кимаева. Ты хочешь, чтобы отец просмотрел записи сегодняшнего вечера?

— Ты знал, что здесь Бессонов? — эта новость вызывает больше эмоций, чем возможное падение в глазах отца, если он увидит, что мы с Андреем творили на балконе.

— Знал, — резко произносит Ванька. — И можешь сказать ему спасибо, именно он сейчас стирает запись, как ты с Андреем уединилась на балконе.

— Это он себя спасает, а не меня!

— Ты уверена?..

Глава 5

Лев

— Я не хотел бы, чтобы ты соглашался на этот бой, — произнес отец, упираясь одной рукой в стол. Несмотря на строгость голоса, он понимал, что не может мне запретить. Если я решу лететь, никто меня не остановит. Я выдержал дуэль взглядов, он опустил в кресло. — Хватит подставлять свою голову под удары, Лев.

— Я мечтал о таком сопернике, — и это действительно так, но сейчас я меньше всего думал о бое. В груди до сих пор бурлила черная лава злости. Прошло три дня с выпускного, а я так и не успокоился. Картина, как ее лапает и облизывает этот утырок, постоянно встает перед глазами.

Меня не успокоило, что Ванька постоянно находился рядом, не позволял им больше уединиться.

— Сосредоточься на бизнесе, — произносит отец, вырывая меня из неприятных мыслей. — Ты купил неплохие участки земли в Дубае, займись постройкой гостиничного комплекса.

Переживания родителей понятны. У него у самого была бурная молодость, но своих детей он старался оградить от трудностей и опасностей, со мной не вышло. Мама шутит постоянно: «кровь не водица».

— Я подумаю, — почесав бровь. Если начать строитель-

ство, придется пропасть в другой стране... или жить на два города.

— Хватит думать, пора действовать. Завязывай со спортом. Сколько ты сможешь еще выступать? Пять-семь лет? За это время сколько травм получишь? — давит тоном, взглядом, энергетикой.

Скрываю улыбку, я очень уважаю отца, но на меня его суровость никогда не действовала, потому что я всегда чувствовал и знал: он не причинит боли. Он защитит ценой своей жизни, потому что любит нас. Из-за любви и уважения к родителям я старался не приносить в дом бед, всегда думал, прежде чем действовать. В подростковом возрасте не всегда получалось выйти из передраг без проблем.

— Твой последний соперник остался инвалидом, Лев. Ты будешь скован на ринге. Страх убить или покалечить сделает из тебя неполноценного бойца. Ты не сможешь выступать, — я понимаю, что он до последнего не хотел поднимать эту тему, но, видимо, решил привести самый веский аргумент, чтобы меня уберечь. Папа прав, страх кого-то еще покалечить или убить глубоко засел во мне.

Меня не пугают разбирательства, суды — это травмоопасный вид спорта, тут всякое может произойти, но не должно было произойти по моей вине, а произошло. Не хочу думать об этом или продолжать тему, я и так постоянно живу с чувством вины.

— Это твой телефон? — взяв трубку со стола, отец убеж-

дается, что вибрирует не его мобильный. Я уже проигнорировал несколько входящих, которые он слышал, поэтому делаю вывод, что просто хочет сменить тему.

— Мой, — не спешу вытаскивать мобильный из кармана. Мои бывшие любовницы напоминают о себе, узнав, что я вернулся в Москву.

— Так ответь, — усмехнувшись, отец поднимается из-за стола. Я замечаю разбитые костяшки, руку он во время нашего разговора прятал под столом.

— Что случилось? — киваю на руку. Удивлен. Обычно отец просит меня не терять голову, остудить мозг, прежде чем действовать или принимать решение.

— Встретил старого знакомого, — отмахнулся родитель. Я не поверил, но если он не хочет говорить, бесполезно спрашивать. — Нельзя заставлять девушек столько ждать, — усмехнувшись, кивает на карман, где вновь начинает вибрировать телефон.

Достаю мобильный, внутри звенит тревожный сигнал: три пропущенных от Лютаева. Он бы подождал, пока я перезвоню, не будь это так срочно.

В это время он должен был еще оставаться у Шаховых — праздновать вручение аттестатов. Скромную вечеринку придумала Ками, пригласила только близких друзей и своего утырка.

Отмахиваюсь от сигнала тревоги в голове, обычно Лютаев просто так не звонит. Он присматривал за Камиллой в школе

и во время ее посиделок с друзьями, не давал ей совершать безбашенные поступки, на которые эта девчонка способна.

Год назад Ками сломала руку, прыгала в воду с какой-то импровизированной вышки – сходила, называется, с друзьями искупаться на озеро.

Марат там снес все нахрен и запретил ей месяц из дома выходить. Могла ведь шею свернуть. Мне Ванька об этом рассказал, когда уже все страсти улеглись, чтобы я не сорвался в Москву накануне тяжелого боя.

Месяца два назад Камилла подралась в женском туалете с девчонкой из параллельного класса. Та на нее полезла из-за парня, а Ками мы с детства учили правильно наносить удары. Там одного хватило, чтобы скорую вызвали сопернице. Потом было разбирательство. Одним словом – Ванька не всегда справляется.

— Привет, я тебя слушаю, — здороваюсь с Лютаевым.

Сегодня тоже не справился, потому что у меня в жилах кровь леденеет, когда я слышу:

— Андрей позвонил, сказал, что Ками со скутера в обрыв улетела. Я еду туда. Ты можешь сейчас подъехать? — с трудом сглатываю, в голове что-то взрывается, заливая все вокруг кровавой пеленой.

— Она жива? — голос не слушается, я боюсь услышать ответ. Любой приговор пусть вынесут лично мне, только не этот...

Глава 6

Лев

— Да, — раздается ответ Ивана, и мое сердце запускает новый отсчет. — Андрей спускается к ней, говорит, что слышит ее стоны, — вздыхает тяжело Ванька...

— Скорую вызывай и диктуй адрес! — ору в трубку. Никто из домочадцев не успевает остановить и спросить, что случилось. Пока Иван объясняет приблизительное место, где Ками слетела с дороги, я уже вдавливаю педаль газа в пол.

Мой отец был гонщиком, он до сих пор любит скорость. Мне эта любовь передалась с генами. Правда, гонять профессионально я стал несколько лет назад, до этого только нарушал скоростной режим, навлекая на себя гнев гайцов и родителей.

Вжимая педаль газа в пол, маневрирую среди машин. Это Москва, и тут сложно разогнаться, но я ищу любую лазейку. За такое вождение меня попросят положить права на полку, но мне до одного места любые штрафы и наказания.

Но уже на загородной трассе можно не сбрасывать скорость. Набираю Ивану, слушаю гудки. Адреналин вскипает, когда он не отвечает.

Только бы Камилла осталась жива...

Жива...

Она жива!

Кровь от страха леденеет в венах. Ощущение такое, словно все вокруг рушится, погребает меня под обломками, а я ничего не способен сделать. Заставляю свое сердце биться. Заставляю себя дышать.

Почти тридцать минут занимает езда до поворота, который описал Ванька. Авария произошла недалеко от коттеджного поселка, где располагается дом Шаховых. Включая дальние фары, когда приближаюсь к повороту, но никого не вижу. Где карета скорой помощи? Полицейские? Машины родителей? Хоть кто-то же должен остаться на месте происшествия, если Ками успели забрать в больницу!

Это что – розыгрыш, мать его?! Только этим могу объяснить пустой отрезок дороги и молчание Лютаева, когда я ему набирал. Очень хреновый розыгрыш, за который я могу и шею свернуть!

Нет, не розыгрыш...

Замечаю на темной обочине, как две темные фигуры, склонившись друг к другу, сидят прямо на земле. Взглядом сразу цепляю Ками, я почти спокоен. Можно дальше жить и дышать. Где-то вдалеке припаркован знакомый внедорожник Лютаева Ваньки, ему на совершеннолетие родители сделали подарок – позволили купить себе тачку, на которую он сам заработал.

Торможу на противоположной стороне, оставляю фары включенными. Дорога пустая. Здесь совсем недавно положили асфальт, два года назад это была обычная сельская тропа,

которая вела к озеру. Освещения нет, кругом пологие скалы, куда может слететь и более опытный водитель. Поддеваю разбитый шлем ногой и опраляю его в кусты. Кожаная куртка не по размеру накинута на плечи Камиллы.

Стараюсь взять себя в руки и не сорваться, когда понимаю, что обнимает ее не Ванька. Утырок убирает от Камиллы руки, когда замечает, кто к ним приближается. Задницей отъезжает чуть в сторону, увеличивая между ними расстояние. Камилла тоже замечает мое приближение, чувствую на себе ее взгляд.

Мои инстинкты сейчас нацелены только на одно — убедиться, что Камилла не пострадала, потом дам волю всем остальным чувствам. К тому времени Андрею лучше оказаться на другом конце Москвы.

— Привет, — опускаюсь перед ней на корточки. Света фар хватается, чтобы видеть ее лицо и даже травинки, запутавшиеся в темных собранных волосах. Руки дрожат, когда я тянусь и убираю сор. Мир вокруг перестает существовать, когда наши взгляды встречаются.

— Привет, — едва слышно отвечает. Ее голос просел, как и мой. Только мой всегда проседает рядом с ней, а голос Камиллы такой от страха и волнения, и следующие ее слова подтверждают мою теорию: — Как ты здесь оказался?

Она поднимает руку, чтобы поправить сползающий край куртки, замечая глубоко стесанные локти. Перехватываю руку, осматриваю, на вопрос не отвечаю.

— Это все раны или есть еще?

Ками тут же хватается за ногу, но при этом машет головой. Нужно ее везти в травмпункт.

— Тебе нужно в больницу, — беру осторожно ее руку и осматриваю локоть.

— Царапины, — отмахивается Камилла, пытаясь вырвать из моих рук свою. — Я очень удачно вылетела.

«Удачно вылетела...», — перед глазами расплываются темно-красные пятна ярости. Не хочу ее пугать, поэтому, прикрыв глаза, стараюсь взять контроль над гневом.

— Что там делает Лютаев? — холодно интересуюсь, наблюдая за темным силуэтом внизу, который что-то ищет с помощью фонарика.

— Ищет мой телефон, — кивает в темную пропасть. — Родители будут волноваться, если я не отвечу.

— Нашел! — кричит Иван.

— Мы едем в больницу, — строгим тоном предупреждаю Камиллу, она открывает рот, чтобы возразить, но ее останавливает мой взгляд. — Это твой скутер? — обращаюсь к Андрею. Желание переломать ему все кости не пропадает. Этот урод чуть ее не угробил.

— Да, — кивает головой. — Там бак пробит, нужно вызвать эвакуатор.

— Я должна тебе новый скутер, — шепчет Камилла извиняющимся тоном.

— Ты ничего ему не должна, — резко бросаю, спускаюсь

быстро вниз по обрыву. Щелчок зажигалки, кидаю ее возле
мокрого бака...

Глава 7

Камилла

При появлении Бессонова я забываю о боли. Тело парализует, когда он приближается к нам. Отсчитываю удары сердца в голове. Ощущение, что настал конец света, и сейчас нам всем будет большой звездеч! Мне знакомо состояние тихого бешенства у мужчин. Я наблюдала не раз такое поведение у отца, Тимура и даже Давида, тот в последнее время все чаще копирует поведение отца.

Зачем он приехал? Лева не мог появиться здесь случайно! Ванька предатель! С ним я еще разберусь. Нервы на пределе, будто мне аварии было мало, еще переживать из-за появления Бессонова.

Возникает непреодолимое желание поругаться с Андреем. Я не жду от него смелых или дерзких поступков, но отодвинуться от меня при появлении Левы – нонсенс! Мне уже не так стыдно, что я угрохала его скутер. Хотя нет, стыдно! В памяти Андрея наверняка еще свежи воспоминания о беспределе, который учинил Лев. Вряд ли он забыл, как тот выкинул его с балкона. Я-то точно не забыла, но почему-то предъявить ему за агрессивность не хватает смелости. Лев стал закрытым и жестким. Нет больше того парня, за которым я вечно ходила хвостиком, надеясь, что он меня покружит или покатает на своих плечах.

Когда он садится возле меня на корточки, мое сердце сжимается от страха и волнения. Он словно вытягивает воздух из пространства вокруг нас, мне перестает хватать кислорода, когда он бережно берет мою руку и осматривает глубокие ссадины. Кожа в тех местах, где он дотрагивается, начинает гореть. Он не кричит, не выговаривает, даже не смотрит мне со злостью в глаза, а мне отчего-то страшно. Вина за аварию ложится тяжелым грузом на плечи.

Не в первый раз ведь гоняю, как получилось, что я слетела с дороги?

Больше всего расстраивает, что об этом узнает отец...

Ванька наконец-то нашел мой телефон, в моих планах позвонить маме и сказать, что мы еще немного погуляем с Андреем, но я скоро буду дома. Не успеваю обрадоваться, потому что Бессонов собирается везти меня в больницу.

Вряд ли я найду достаточно убедительные аргументы, чтобы уговорить его отказаться от этой идеи.

А потом происходит то, отчего во мне стынет кровь. Я сижу с упавшей до земли челюстью от шока и возмущения. Даже Ванька присвистывает и ругается под нос, когда одним щелчком зажигалки Бессонов сжигает чужой скутер. Он, между прочим, стоит приличных денег!

— Какого *** ты творишь? — Андрей вскакивает на ноги и орет во всю мощь своих легких. Видимо, от шока. — Ты мне новый скутер купишь, псих! — сжимая кулаки, нервно прыгает и дергается, будто действительно готов кинуться на

Леву.

— Заткнись, пока тебе новые суставы не пришлось покупать! — дергает его Ванька за футболку, слышится звук разрываемой ткани. — Ты придурок! Тебе сегодня сказочно повезло, что Ками осталась жива! Представляешь, что бы с тобой сделал ее отец, сверни она шею? — от этих предположений мороз по коже пробежался. — Тебе запретили катать ее на скутере, а ты Ками посадил одну за руль на темной дороге, где кругом склоны и обрывы! Это просто сказочное везение, что ее принял куст, а не камень! — Ванька редко выходит из себя, но если выходит, то его сложно утихомирить.

Он с такой силой трясет Андрея, что у того сейчас голова отлетит. Ваньке удастся достучаться и до моей совести. Действительно ведь могло случиться все что угодно. Не представляю, что было бы с моими родителями.

В это время происходит взрыв. Отвлекаясь на громкий хлопок, пытаюсь увидеть Бессонова. Он стоит чуть в стороне, в напряженной позе, не сводя взгляда с горящего металла.

— Скутер тебе жалко?! Кусок металла? А чужую жизнь не жалко? — тем временем зло выговаривает Ванька, не обратив внимания на взрыв. Я с трудом поднимаюсь на ноги, представляю, как буду болеть завтра. — Лев правильно сделал, такому безответственному идиоту, как ты, нельзя садиться за руль! Он одним действием решил сразу несколько проблем. Вместо того, чтобы орать и угрожать, беги лучше

домой, — отпихивает с такой силой, что он падает на задницу и проезжает пару метров по бездорожью. Теперь не только я вся в ссадинах.

— Вань, это я Андрея уговорила, — пытаюсь заступиться, но друг зло молчит. Достает из заднего кармана телефон, протягивает мне со словами:

— Сама звонишь Марату и обо всем рассказываешь, — терпение Ваньки достигло пика. Он не отступится. Дрожащей рукой забираю телефон, наблюдая, как Андрей поднимается на ноги. Открываю контакты. По моей спине проходит холодок, я чувствую позади присутствие Левы. Он накрывает мою руку с телефоном, останавливает звонок отцу.

— Увези его отсюда, — тихо проговаривает прямо за моей спиной. У меня все внутренние органы работают с перебоями от его близости. Есть в этом что-то неправильное... Неправильное, но волнующее. — Мы с Камиллой в больницу, если нужно будет сообщить Марату, наберем оттуда...

Глава 8

Камилла

— Лев, может, лучше сейчас набрать Марату? — спрашивает Ванька. В его голосе сомнение в правильности решения Льва.

Бессонов уверенно объясняет Ваньке, что не стоит раньше времени наводить суету. В это время я тихо опускаюсь обратно на землю, одно колено ужасно болит, не могу больше стоять. Стараюсь его не тревожить, но безболезненно присесть не получилось, глотая стон, закусываю губу. С Левого я никуда ехать не собираюсь, дождусь родителей, как только наберусь смелости им позвонить. Он во мне будит волнение и тревогу. Предпочитаю держаться от него подальше.

— Мое последнее тебе предупреждение, — четко проговаривая каждое слово, Лева обращается к Андрею: — чтобы возле Камиллы я тебя больше не видел, — я наблюдаю за реакцией Андрея, Лева все еще стоит за моей спиной, его видеть я не могу.

Андрей смотрит упрямо и зло, он все еще раздосадован за взорванный скутер. Я могу его понять, до сих пор в шоке от поступка Бессонова. Андрей так долго мечтал о нем. Как он радовался, когда наконец-то смог уговорить родителей на эту покупку. А теперь из-за меня он остался без колес...

— Возьми у его отца номер карты, узнай цену скутера,

скинь мне, — обращается Лев к Ваньке. Я от удивления разворачиваюсь, но лица Бессонова не вижу, оно находится в тени. Сказать, что я удивлена — ничего не сказать. — Предупреди, что его сын ходит пешком или пользуется услугами водителя, — таким тоном, что я поежилась, попыталась завернуться в куртку, накинутую на плечи. Не дал порадоваться, что Андрею обязательно купят новый скутер!

Шум мотора разрезает ночную тишину, ослепив фарами, машина Лютаева проносится мимо меня, увозя Андрея. Всем своим видом хочу подчеркнуть, что я никуда с Бессоновым не еду. Для этого мне только нужно позвонить родителям. Руки трясутся, когда я пытаюсь включить экран телефона. Никак не решаюсь.

На самом деле я просто не готова к разочарованию, которое могу увидеть в глазах отца. Он очень сильно нас любит, оттого так ревностно бережет. Из-за сегодняшнего случая я могу лишиться его доверия. И запретить меня на все лето дома — самое безобидное наказание. Почему мне вечно не везет? Все ведь за спиной родителей что-то пробуют, экспериментируют, рискуют, одна я попадаюсь вечно.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, где Бессонов. Он так и не подошел ко мне, хотя Ванька укатил уже минуты три назад. Видимо, верно прочитал мой посыл. Звонить мне придется родителям самой, Бессонов этого делать не станет. Устав играть в молчаливый игнор, он уходит к своей машине. Для себя решаю: как только он уедет, я позвоню... папе.

Хочется, конечно, проявив слабость духа, набрать маме, а не отцу. Она сможет успокоить папу... но нужно самой отвечать за свои поступки. Тяжело вздыхая, пробуя отлепить джинсовую ткань от колена, прилипла из-за крови, теперь подсыхает и доставляет дискомфорт.

Закусив губу, чтобы не застонать, ощупываю ногу. Очень надеюсь, что она не сломана, нет трещин. Бессонов не уезжает. Скидываю голову, когда гаснут фары. Мы остаемся в полной темноте, лишь редкие звезды выглядывают из-за темных облаков. Завтра, видимо, будет дождь...

Ночь и тишина. Что-то ощутимо меняется в воздухе. Он словно становится тяжелым, его трудно пропихнуть в легкие. Мы с Бессоновым словно одни во вселенной. Лишь шум ветра, играющего в траве, и пение сверчков разбавляют тишину. Мое сердце неровно бьется в груди. Я точно знаю, что Лев где-то рядом, стоит за спиной...

— Я боюсь тебя, — шепчу в темноту. Прошрое, где он был моим старшим заботливым другом, давно размыто. Теперь это совсем другой, незнакомый мне мужчина. Не вижу Бессонова, но каждой клеточкой ощущаю его присутствие.

— Я тебя не обижу, — звучит холодный равнодушный голос.

Пусть его слова и кажутся клятвой, меня это не успокаивает. Он опасен и жесток, я всегда это чувствовала. Лев уничтожит любого, кто встанет у него на пути. Тогда почему к страху примешивается волнение, когда раздаются его ти-

хия приближающиеся шаги? Подтягиваю под себя ноги, будто эта поза способна защитить меня от него. Бессонов присаживается возле меня на корточки – так близко, что я ощущаю его дыхание на своем лице, когда он произносит:

— Ты моя, просто еще не поняла этого...

Глава 9

Камилла

«Ты моя, просто еще не поняла этого...» — перебираю слова в голове, никак не могу понять, что имел в виду Лева. Он тем временем, не думая, подхватывает меня на руки и несет к машине. Эти несколько шагов отзываются учащенным сердцебиением.

«Ты моя — кто?» — раньше была подругой, потом он перестал меня замечать, а теперь... чего я не могу понять?

— Я не твоя... — упрямо глядя ему в глаза, как только он опускает меня на заднее сиденье своей машины. О чем бы он там ни говорил. Не удивляюсь, что он мне не ответил, хотя это сильно раздражает. — Я папина и мамина!

Бессонов пропускает мои слова мимо ушей, проталкивает меня глубже в салон и устраивает ноги на бежевом кожаном сиденье, не обращая внимания, что мои грязные ноги пачкают обивку.

Лев садится за руль, опускает стекло, прежде чем завести двигатель. Молчаливое напряжение бьет по нервной системе. Срываясь на скорости, Бессонов крепко двумя руками удерживает руль.

Продолжаю прокручивать в голове его слова. Не могу не думать. До дрожи пробивает, стоит мысленно воспроизвести его интонацию и хриплый голос, в котором нет ни тени со-

мнений, что будет так, как он сказал.

Об аварии я всю дорогу не вспоминала. Может, он специально это сказал, чтобы я не нервничала? Если так, то у него достойно получилось. Тревогу о наказании затмили другие мысли. Пробраться в голову Льва невозможно, он всегда был себе на уме.

В детстве я всегда крутилась рядом с ним и Тимуром. У них хватало терпения возиться со мной. Помню, как он поднимал меня к высоким веткам, чтобы я сорвала ягоды или яблоки в саду. Или снимал меня с дерева, если я боялась слезть сама. Глядя на меня, он постоянно улыбался, хотя обычно ходил с холодным равнодушным выражением лица. Я помню их первых девчонок, которых я недолюбливала, потому что парни стали проводить время с ними, забывая обо мне...

Приехали мы в ближайшую районную больницу, за что я готова была сказать Бессонову спасибо. Обычно все сразу звонят Азамату – другу моего отца, в его клинике меня знает почти весь медперсонал. Уже через минуту о моих разбитых коленках стало бы известно Марату Шахову.

— Я сама, — отодвигаю руки Бессонова, не обращая внимания на боль, пытаюсь вылезти из машины самостоятельно.

— Я тебя хорошо и давно знаю. Ты самостоятельная, сильная, смелая, но мне ничего не нужно доказывать, Ками, — подхватывает меня, несет на руках до самого приемного отделения. Легко несет, будто я ничего не вешу, даже не запы-

хался. А я не решаюсь посмотреть на него. Мне неуютно у него на руках. Тревожно и волнительно.

Небольшая очередь в приемном покое, врачей на месте нет. Медсестра просит подождать, врач сейчас подойдет. Время идет, а ничего не меняется. В очереди усиливается роптание недовольных. Бессонов, прислонившись к стене, что-то смотрит в телефоне. Без каких-либо объяснений он уходит. То ли в туалет спешит, то ли еще куда-то. Провожая его взглядом, отмечаю, какие широкие у него плечи. За то время, что мы не виделись, он не сильно изменился: стал мужественнее и еще красивее. Заострились черты лица, стали более выражены скулы. У него всегда был волевой подбородок, темно-серые глаза в моменты злости казались черными. Прямому носу в юношестве завидовали ребята из спортивного клуба, но после этого Лев столько раз его ломал, что появилось небольшое искривление на переносице, но его оно не портило, как и шрам, пересекающий бровь. Его вообще ничего не могло испортить.

— Идем, — возвращается Бессонов, вновь не спрашивая, подхватывает на руки.

Заносит в рентген-кабинет. Травматолог отчего-то очень нервничает, у него два раза выпадают из рук снимки. Через десять минут мы узнаем, что я отделалась лишь ушибами, ссадинами и синяками. Лева отзванивается Ваньке, сообщает, что со мной все в порядке. В процедурном кабинете мне ставят укол и обрабатывают раны. Несколько раз извиняются за

задержку, когда мы покидаем кабинет. Боль утихает уже в машине.

— Ты не имел права сжигать чужой скутер, — нет смысла грозить ему полицией — это последнее, чем можно было бы напугать Бессонова.

— Сейчас я отвезу тебя домой, — игнорируя мой выпад. — Мне придется рассказать твоему отцу об аварии, — глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Можно я скажу, что упала со скоростного велосипеда? — эта идея только что пришла мне в голову. За велосипед меня не станут наказывать. Бессонов молчит, но продолжает удерживать мой взгляд в зеркале. Я не стану его умолять.

— С одним условием, — уже не верила, что Лева заговорит.

— Каким? — ощущение, словно я ступаю на опасную тропинку. Вместо того, чтобы отступить, я с замиранием сердца жду, что он скажет.

— Все, что ты хочешь попробовать, ты пробуешь в моем присутствии...

Глава 10

Камилла

Я возвращаюсь на несколько лет назад, тогда он уже говорил мне эти слова, после того как узнал от Лютаева, что я пробовала курить. С тех пор у меня не возникало желания что-то такое пробовать, тем более в присутствии Бессонова.

— Позволишь покататься на своем мотоцикле? — неожиданно даже для самой себя.

Обычно я не тушуюсь, но Бессонов держит меня в таком напряжении, что рядом с ним чувствую себя молчаливой запуганной птишкой. Его заверения: «Я тебя не обижу» и «Ты моя, просто еще не поняла этого...» до сих пор крутятся в голове, повышая градус тревоги.

— Позволю, — кривит губы в усмешке. Здесь, на больничной стоянке под фонарем, мне прекрасно видно его лицо. Взгляд Бессонова теплеет, а меня немного отпускает. Не могу поверить, то он согласился. Андрея я так долго уговаривала...

— Когда? — кутаясь в куртку. Мне не холодно, но хочется чем-то занять свои руки, чтобы не выдать волнения, он неотрывно смотрит на меня в зеркало. Мне нужно держаться от него подальше, все рецепторы и инстинкты бьют тревогу, в душе и голове полный раздрай, а я, словно мотылек, не понимаю опасности и лечу на огонь. Нет, я прекрасно по-

нимаю опасность, но не хочу отчего-то сворачивать и лететь обратно.

Лева – не Андрей, Бессоновым не получится управлять и манипулировать. Он не станет идти у меня на поводу.

— Когда сможешь передвигаться, не испытывая боль, — задумавшись на несколько секунд. Развернувшись, смотрит на мою перебинтованную ногу, губы вытягиваются в узкую полосу. Злится.

Колокол тревоги, все это время бывший набатом в голове, достучался до моего разума. Да, Бессонов – опасность, драйв, адреналин в крови, но мне лучше держаться от него на расстоянии.

— Отец будет против, — иду на попятную, Бессонов прекрасно знает это и без моего предупреждения, но я уже жалею, что завела этот разговор, поэтому и пытаюсь слиться.

— Я решу этот вопрос, — уверенность в его голосе пугает. Папа не тот человек, с которым легко можно договориться. Он предпочитает, чтобы я держалась подальше от экстремальных видов спорта.

— Хорошо, — пожимаю плечами, не сомневаясь, что у него ничего не получится. — Что еще я могу попробовать рядом с тобой? — немного осмелев, бросаю ему вызов. Вряд ли я решусь с ним что-то попробовать. Не до такой степени я рискованная.

— Все... — обжег темным тяжелым взглядом. — В пределах разумного, — продолжает Бессонов. Возможно, мне

это показалось, ведь в следующую секунду он отвел взгляд, уставился прямо перед собой в лобовое стекло. Вновь вернулось волнение, но отступать не хотелось, мне зачем-то нужно было выпытать у Бессонова его мысли.

— Что для тебя есть «разумно»? — складывая на коленях пальцы в замок. Наши взгляды вновь встречаются в зеркале заднего вида.

Ухмыльнувшись, он не ответил, завел двигатель и тронулся с места, набирая скорость, когда выехал на трассу. Я уже не ждала ответа, когда Бессонов заговорил:

— Никаких извращений в сексе и наркотиков, остальное можем обсудить, — приспуская стекло, чтобы запустить в салон свежий вечерний воздух. Он спокоен, а у меня за эту ночь уже третий раз случается шок!

Обсудить?!

Он предлагает обсудить...

Что значит – извращений?

Получается, если я захочу быть с мужчиной, то им должен стать Бессонов? Он предлагает мне заняться с ним сексом? Тело обдаёт жаром, а щеки горят от смущения. Никогда парни не заговаривали со мной об этом так открыто, прямо и дерзко.

Я возмущена, но предпочитаю делать вид, что не слышала его последних слов. Мне бы стакан воды, чтобы смочить пересохшее горло. Мысли лихорадочно бьются в голове, никак не получается их структурировать.

— Ничего не хочешь уточнить? — будто догадываясь о моем смятении, интересуется Лев. В его голосе слышится легкая улыбка. Меня скорее поражает этот намек на мягкость, чем неожиданное продолжение разговора.

— Нет, — слишком поспешно, выдавая волнение.

Мне хочется вернуть свою уверенность, быть с ним раскрепощенной и дерзкой, как с другими, но с первой встречи он пугает, смущает и тревожит. Лева не настаивает на продолжении разговора, откинувшись на сиденье, я пытаюсь успокоиться.

Подъезжая к дому, он приказывает мне сидеть в машине, выходит к охране и просит открыть ворота.

— Я сама могла дойти, — возмущенно. Дома еще никто не спит, на часах чуть больше десяти вечера, свет горит почти во всех окнах первого этажа.

На крыльцо выходит отец, я только сейчас осознаю, что не придумала правдоподобного объяснения. Нога перестала болеть после укола, поэтому я без посторонней помощи выхожу из машины в тот момент, когда Бессонов идет здороваться с папой.

— Что случилось?! — встревоженно. Кидает взгляд на мой потрепанный вид. Сквозь дырки в штанах виднеется белоснежная повязка, руки обработаны йодом...

Глава 11

Лева

Я решил, что она станет моей, четыре года назад, за это время почти ничего не изменилось. Просто теперь ей восемнадцать, можно разломать в труху блоки, которые я воздвиг в своей голове четыре года назад, когда понял, что одержим девчонкой. Она будет только моей! Сотру воспоминания о том поцелуе на балконе...

Андрей!

Случись что-нибудь серьезное с Камиллой, он вряд ли остался бы в живых. Андрей не понимает, какого труда мне стоило держать себя в руках и не сломать его. Спалил к чертям скутер, чтобы Ками больше никогда на него не садилась. Лишь взрыв чуть погасил мою ярость, правда, она быстро вернулась, стоило бросить взгляд на Шахову и вновь увидеть ее ободренные ноги и локти. Красная пелена ярости застилала глаза, требуя крови тупорылого урода.

Ее не оставили равнодушной заявления, которые я сделал. Думает, волнуется. Не давлю, сворачиваю разговор. Придет время, она и так все поймет.

Да, девочка, ты будешь только моей!

Я не жалел о том, что озвучил свои мысли и желания, хотя не стал вдаваться в подробности. Камилла может на меня полностью рассчитывать. Ей хочется многое попробовать,

окунуться во взрослую жизнь. Бунтарка внутри, она не смирится с рамками, в которых ее держали до сих пор. Хотя Марату я благодарен, что сохранил ее для меня. Теперь я буду рядом, позволю ей хапнуть адреналина, а потом заменю его качественным сексом, чтобы пропало желание рисковать жизнью. Залюблю...

Ее невинные вопросы и волнение в голосе, когда она понимает, что секс у нее будет только со мной, вызывают прилив плохо контролируемого желания. Пытаюсь чуть съехать на сиденье и развести шире ноги, чтобы ослабить давление ширилки на эрегированный член.

Камилла, напуганная моим напором, тихо вела себя всю дорогу. Наблюдая за ней, я чувствовал, как начинаю успокаиваться. Мои демоны как по команде садились на короткий поводок у ее ног.

Подъехав к дому, попросил охрану впустить нас. К нам вышел Марат, когда услышал, что во двор заехала машина. Ками верила, что ей удастся обмануть отца. Не переубеждал, хотя знал, как поступлю.

Предложение Камиллы обмануть Марата отмел сразу, как только она его озвучила. Ей волнений на сегодня хватит, только поэтому делаю вид, что поддержку затею. Моя безбашенная девочка сегодня чуть не погибла. У меня до сих пор внутри лед. Не отпустило еще. Не помню, чтобы я когда-нибудь испытывал такой страх, когда ты вроде живой, но ничего вокруг не замечаешь. Концентрируешься только на своем

страхе, остальные органы чувств, инстинкты, эмоции парализованы.

Марат через полчаса выяснит, что никакого гоночного велика не было. Через пять минут вся служба безопасности будет рыть носом: где она его взяла, был ли он исправен, вдрут за этим стоят конкуренты?..

Если отбросить в сторону качественную работу службы безопасности, врать бы я все равно не стал. Ни Марату, которого уважаю, ни любому другому отцу. Я же не пацан, который боится выхватить люлей от перепуганного родителя. С правдой легче разбираться.

Выхожу первым, здороваюсь. Улавливаю момент, когда он увидел дочь. Чувствую его страх. Он осязаем и похож на мой.

— Она не пострадала, — кладу руку на плечо Марата, когда он собирается броситься к Камилле. Шах фанатично оберегает дочь и жену от любых потрясений. Могу его понять. — Отделалась царапинами, — поясняю, потому что он меня не слышит.

— Что случилось? — переводит на меня суровый взгляд. Ками, пользуясь тем, что он отвлекся, хромает к дому, плотнее закутываясь в куртку, хотя на улице тепло. Душой рвусь к ней, но должен стоять возле Марата. Не стоит будоражить его страх, а то разнесет за дочь всю семью Андрея.

— Я все расскажу, пусть Камилла идет отдыхать, — когда она останавливается возле нас. Замечаю, что она старается переложить вес на ногу, которая меньше пострадала. — Врач

сказал, что несколько дней ей не помешает отлежаться.

Марат смотрит на меня, как на врага, видит во мне виновника ее бед. Неприятно, но я понимаю, что сейчас его разрывают эмоции. Сглотнув, прикрывает глаза и тут же берет себя в руки. Хлопает меня по плечу, что можно расценить как извинение.

— Пап, со мной все в порядке, — виновато улыбается Ками. — Неудачно упала...

— С тобой я потом поговорю, иди в свою комнату, — несмотря на строгий тон, он не может скрыть тревоги.

— Ками! — испуганно восклицает Лера, выглядывая из дверей. — Что случилось? — выбегает к дочери.

— Зайдите в дом, — обернувшись, Марат произносит спокойным тоном. Переглядывается с женой, пытается ее успокоить на расстоянии, и лишь когда Лера, обняв Ками, кивает ему, он обращается ко мне: — Идем в беседку.

Устроившись друг напротив друга, мы какое-то время молчим. Я подбираю слова, он пытается полностью взять себя в руки.

— Рассказывай, что случилось с моей дочерью?

Не больше трех минут занимает рассказ. Сухо и по фактам, без нагнетания драматизма.

Марат, сложив перед собой руки в замок, сверлил задумчивым взглядом поверхность стола. Дав ему время переварить услышанное, я продолжил:

— Марат, я вырос на твоих глазах, ты для меня больше

чем просто друг моего отца, — родные дяди не всегда бывают так близки с племянниками, как Шахов. Да и не только Марат, я ко всем друзьям отца отношусь как к близкой родне. — Могу я дать совет?

— Ну, говори, — подняв взгляд.

— Ты не сможешь вечно беречь и охранять Ками, ее желание вырваться из-под опеки будет крепнуть. И вероятность, что она наделает глупостей, тоже. Сбавь обороты. Врут не потому, что хочется лгать, а потому, что правду говорить страшно, — оправдываю ее ложь с великом.

— Ты хочешь сказать, она меня боится? — хмурит лицо. Он за Ками пешком в ад пойдет, всю жизнь ее лелеял, а тут я со своими заявлениями.

— Она боится тебя разочаровать. Марат, слишком много опеки, — спокойно, но твердо.

— Когда у тебя будет дочь...

— Я буду себя вести в точности, как ты, но я надеюсь, найдется тот, кто предупредит меня, что я перегибаю. Не наказывай Камиллу. Присматривай дальше, но не дави. Не учатся люди на ошибках других, дай ей сделать свои, — он против, борется с собой, чтобы не возразить. Главное, что выслушал. Мимо ушей мои слова не пропустит. — Ками хочет научиться кататься на мотоцикле, — осторожно начинаю я. Плечи Шаха напрягаются. — Я могу научить. Головой буду отвечать за ее безопасность. Марат, со мной она не натворит бед.

Сканирует. Долго и упорно. Минут пять я жду, что он скажет.

— Я подумаю...

Глава 12

Камилла

Папа не стал слушать мои оправдания. Еще до того, как я озвучила свою версию произошедшего, он предупредил:

— Прежде чем ты начнешь рассказывать, я хочу напомнить, что ложь не приемлю, — строго. — Вы всегда можете прийти к нам с любой проблемой, мы выслушаем и поможем, — напомнил он те правила, которые мы слышали от него с детства. — Ложись отдыхать, — папа не стал устраивать допрос, потому что все уже знал. Бессонов уже все ему рассказал...

На следующий день я ждала, что родители озвучат наказание, которое наверняка должно было сформироваться за ночь, и которое я, безусловно, заслужила, но за ужином отец промолчал. Я не стала напоминать о наказании, желая получить отсрочку. Замечая на лице родителей тень печали и беспокойства, я в сотый раз мысленно себя ругала: «сдался мне этот скутер!», но положив руку на сердце, себе я честно отвечала: «нравится мне скорость, нравится, когда прохладный воздух бьет в лицо, а ветер играет в волосах...». Ничего не могу с собой поделать.

Всю следующую неделю только братья интересовались, что со мной произошло, требуя каждый раз новых подробностей. Друзья отца, приезжая к нам с визитами, не заводили

разговор об аварии. Даже Азамат, осмотрев мои ободранные колени, вел себя так, словно я упала с велосипеда.

— До свадьбы заживет, сколько царапин и порезов я обработал, пока ты выросла... — улыбнувшись, потрепал по голове. Ни один из папиных друзей даже в шутку не поругал. Я терялась в догадках: что происходит?

Если не считать сухих сообщений от Бессонова, которые приходили каждое утро, я бы подумала, что отец запретил упоминать о происшествии.

«Как твое колено?»

Забыл, видимо, поздороваться! Так я думала в первое утро, потом поняла, что он упорно игнорирует мои приветствия.

«Привет! Нормально»... — это же сообщение я отсылала на все последующие вопросы в течение трех дней, потом убрала оттуда «привет».

«Как самочувствие?.. Как нога?.. Как себя чувствуешь?..»

«Нормально...»

Видимо, этого сухого, ничего не значащего ответа было достаточно, раз он ни разу не приехал меня проведать. Тогда к чему были громкие слова «ты моя»?

Бессонов словно специально каждое утро напоминал о себе, чтобы я потом весь день не могла выбросить его из головы. В тысячный раз прогоняя в памяти момент нашей встречи на балконе, потом вспоминая, как он вел себя на месте аварии, а потом и в машине после посещения врача, я при-

шла к выводу — нам стоит как можно реже пересекаться. Он взрослый мужчина, а я рядом с ним выгляжу наивной девочкой, которая трясется от каждого его хмурого взгляда. Он вызывает во мне трепет желания, у меня было время прислушаться к порывам своего тела. Когда моюсь в душе, а мои руки намыливают грудь, я почему-то в этот момент представляю руки Бессонова на своем теле. Закрыв глаза, вижу, как эти руки, перебитые венами, скользят по моим бедрам. Длинные пальцы рисуют влажные узоры, а потом бессовестно вторгаются на запретную территорию...

Бессонов своими разговорами и намеками на секс словно заложил в мою голову программу, где я должна желать только его. Оставаясь одна, я то и дело представляла нас в разных ситуациях, и везде дело заканчивалось поцелуем. Очень мне хотелось узнать, как целуется Лева. Это будет так же приятно, как с Андреем? Или, может, мне не понравится его жесткая манера? Не вижу я наш с ним поцелуй нежным и романтическим...

Отступая от своих мечтаний, возвращаюсь в реальность. Когда и через неделю папа не упомянул о наказании, я полностью расслабилась. Несмотря на стесанные локти и колени, утром следующего дня собралась ехать к Лютаевым — мириться с Ванькой. Этот товарищ всю неделю со мной не разговаривал, не отвечал на телефонные звонки и сообщения, даже не приходил в гости проведать, в отличие от всех остальных.

Я почти обиделась. Почему почти? Потому что тетя Рада приехала меня проводить и рассказала по большому секрету, как ее сын до сих пор рвет и мечет. Злится он не только на меня, но и на себя, что допустил подобную ситуацию, в которой я могла погибнуть. После разговора с тетей Радой я немного успокоилась: все в курсе, что произошло, но почему они не поднимают этот вопрос — загадка. Может, мама попросила, чтобы не поднимать в душе отца бурю переживаний?

Спустившись к завтраку, застала родителей на кухне.

— Ты куда-то собралась? — подняв на меня взгляд, спросил отец, отставляя пустую чашку.

— Да, к Лютаевым. Хочу с Ванькой поговорить, — я точно знаю, что встает он рано и идет на стадион, вот и решила перехватить его до пробежки.

— Ну, раз ты прекрасно себя чувствуешь, чтобы выходить из дома, значит, пришло время отбывать наказание...

Глава 13

Камилла

Добралась я до пункта назначения своим ходом. С тремя пересадками! До сих пор не верю, что я это сделала. Папа сумел удивить. Теперь у меня нет личного водителя. Мне урезали карманные расходы, оставив деньги на проезд и на «пирожок с чаем» - именно так я называю студенческие обеды.

Стоя на крыльце клиники, которая принадлежит другу отца, я пыталась отдышаться. От метро идти минут пятнадцать пешком. Боль в ноге усилилась настолько, что я уже жалела о своем вчерашнем заявлении - что чувствую себя хорошо. Можно ведь было отстрочить наказание еще хотя бы на неделю. Лежала бы сейчас дома на своей кровати, нога покоилась на подушке...

— Камилла, твоя последняя выходка показала, что ты стремишься к независимости, хочешь как можно скорее стать взрослой, - как только отец заговорил, я поняла, что ничего хорошего лучше не ждать. - Взрослый человек отвечает за свои поступки и несет ответственность за них, а еще он способен сам о себе позаботиться. Я сослужил тебе плохую службу, когда попытался уберечь от всего на свете. До конца каникул, ты будешь работать в клинике Азамата, - не терпящим возражения голосом. - Им как раз на летний период нужны сотрудники. Как правило, персонал летом хочет уйти

в отпуск, ты будешь их замещать.

Я планирую подавать документы в мединститут, но ведь у меня нет никакого опыта работы, а у Ромула в команде лучшей врач и медсестра. Может у них есть вакансии администратора? Принимать звонки на ресепшене и консультировать пациентов, но и для этого нужен хоть какой-то опыт...

— Кем? — отмахиваясь от неприятного предчувствия, спросила негромко.

— Санитаркой, — отрывая взгляд от тарелки с завтраком, он смотрит на меня.

— Санитаркой?! — повторяю ошалело. Даже в голове уложить не могу то, что сейчас услышала.

На лице папы не дернулся ни один мускул. Мама заинтересовалась открывающимся видом из окна. Если бы она не была согласна с папой, сумела бы его переубедить. Папа, каким бы жестким и строгим не был, никогда бы не пошел против нее. Если мама поддерживает наказание, значит, я действительно поступила очень плохо.

— Многие врачи начинали свою карьеру с самых низов, — отца не пронять моим возмущением.

«Многие?!» — это он, конечно, погорячился. Такие случаи есть в практике, но их точно единицы!

Словно этого было недостаточно, папа продолжил:

— Вставать придется рано, потому что добираться до работы ты будешь самостоятельно. Карманные расходы сокращаются, теперь только на проезд и на обед, — деловым тоном,

который не было смысла оспаривать.

Как гром среди ясного неба обрушилась на меня эта новость. Насколько гуманнее было запереть меня дома...

Я пыталась прийти в себя, внутренне принять наказание, ведь я его заслужило, но все во мне противилось этому...

- В субботу и воскресенье у тебя выходные дни, - улыбувшись, сообщил отец.

Ну, хоть что-то! Оставили мне глоток свободы. Наверняка я буду так уставать, поднимаясь в такую рань не буду высыпаться, поэтому один выходной – чтобы восстановиться, второй – чтобы встретиться с друзьями.

— Эти дни ты тоже будешь занята, - обрывает папа план, который я только что мысленно выстроила. - Я договорился с Левой, он будет обучать тебя езде на мотоцикле, раз ты так стремишься к экстриму.

«Не хочу я никакого экстрима!»

Крик возражения застыл на моих губах, ласковая и добрая улыбка мамы, заставила меня прикусить язык. Мама была уверена, что это поощрение за неделю труда, она не сомневалась, что я буду очень рада такой возможности. Как ее разочаровать и сказать, что мне все это не надо?

— Если у меня останутся силы на тренировки, - тяжело вздыхая, произнесла я, отодвигая от себя практически нетронутую тарелку с завтраком.

Папа удовлетворенно кивнул, мне показалось, он был бы только рад, откажись я от уроков вождения. Тогда зачем он

обязал Леву со мной заниматься? Или это Бессонов предложил папе научить меня кататься на мотике?..

«Если ты хочешь что-то попробовать, попробуешь в моем присутствии...» - ожили его слова в моем сознании. По коже тут же побежали искры. Нужно выбросить Бессонова и его фразы из головы. Я его не винила за свое наказание, но злилась за то, что он вмешивается в мою жизнь. Злилась я и на Ваньку. Этот предатель продолжал игнорировать мои звонки и сообщения!..

Первые посетители останавливались на стоянки у клиники, оттягивать встречу с Азаматом больше не имело смысла.

Мое утро началось два часа назад. Вспоминая сколько времени, я добиралась... неудивительно, что чувствовала усталость. А впереди первый рабочий день. Пока все мои друзья отдыхают и наслаждаются летними деньками, я буду таскать утки за больными.

Открыв дверь, ступила на порог клиники. Тут работал кондиционер, шею приятно обдавало прохладой.

— Здравствуйте, — тряхнув роскошными волосами, которыми очень гордилась, поздоровалась с девушкой на ресепшн. Новенькая, я ее раньше не видела. Обычно тут сидит три сотрудницы, но еще было рано, скорее всего две другие девушки не успели подойти.

— Здравствуйте! Вы к кому? — отметила вежливую улыбку, приклеенную к ее лицу и цепкий взгляд. «Дина» - написано на бейдже.

— Я к Азамату Ромулову. Он меня ждет, — я уловила момент, когда она подавила насмешку. Приняла меня за поклонницу сексапильного доктора. Даже мои подружки пускают на него слюни. Мне этого не понять, для меня Азамат - все равно, что родной дядя.

Дине так и хочется щелкнуть меня по носу, сообщить, что владелец клиники счастливо женат и не ведется на вот таких вот молоденьких дур.

— Камилла, привет. Ты что здесь делаешь? — рядом появляется Сергей Эдуардович – молодой красивый врач-травматолог...

Глава 14

Камилла

Несколько раз мы встречались с Сергеем Эдуардовичем в кабинете этой самой клиники. Именно он накладывал мне гипс, когда я сломала руку. Все в нашей семье знали молодого улыбчивого специалиста, потому что он лечил не только меня, но и моих братьев, а также всех детей папиных друзей.

— Ты к Азамату? — догадался он.

— Ага, — кивнула, чуть отходя в сторону, чтобы пропустить мужчину, тяжело опирающегося на трость. — Прибыла отбывать повинность, — все равно скоро обо всем станет известно, лучше сразу перевести все в шутку, не показывать, как меня удручает перспектива работать санитаркой.

Впервые я ощущала неловкость, скованность, стеснение. Стыдно признаться, что в ближайшее время мне придется убирать туалеты и выносить утки. У меня нет предубеждений против любой, даже самый неприглядной профессии. Родители всегда учили нас уважительно относиться к любому труду, но сложно обойтись без предубеждений, когда дело касается тебя. Мне стыдно и стремно этим заниматься — как и любой молодой девчонке, я в этом не сомневаюсь. Не думаю, что мои друзья отвернутся от меня, если об этом станет известно, но вот не сомневаюсь, что будут посмеиваться за спиной и прикалываться. Говорить им в любом случае я

не собираюсь. Даже Ваньке! Ему – из вредности, потому что точно знаю, что он поддержит решение отца, скажет, что я это заслужила.

— Можно узнать поподробнее, что за повинность? — отдавая теплом своей улыбки.

— Да так, — махнув рукой. — Ослушалась запрета отца, и меня сослали на галеры.

— На галеры? — чуть сморщив лоб, но тут же улыбнувшись: — Это, видимо, к нам?

— Ага, — ответив на улыбку, перекинула распушенные волосы на правую сторону.

Девушка Дина сверлила меня недобрый взглядом, будто я шумела и мешала работе врачей. Ее пристальное внимание немного утомляло. Я понимаю, что многие незамужние девушки устраиваются в такие места не только из-за хорошей зарплаты, но и из-за возможности устроить личную жизнь, но зачем это так явно демонстрировать?

В клинике Ромулова мало неженатых докторов, поэтому на них тут идет настоящая охота. Я слышала, как Жанна рассказывала маме о некоторых инцидентах, происходящих в стенах клиники. За белозубую улыбку Сергея Эдуардовича многие тут готовы отдать на органы селезенку.

— Сергей Эдуардович, здравствуйте! — спеша, влетела в фойе Алина. Она давно работает в клинике на ресепшене. — Доброе утро, — узнав меня, поздоровалась.

— Привет!

— Так что там у тебя стряслось? — как только Алина скрылась в раздевалке, мы вернулись к моим проблемам.

Не готова я была делиться подробностями своего наказания. В душе я понимала, что поступила неправильно, но с наказанием была не согласна. Почти все мои друзья гоняют на скутерах или машинах, но никого не отправляют выполнять грязную работу.

— Обычные проблемы отцов и детей, — чуть прихрамывая, отошла в сторону, мы стояли почти в середине фойе, мешали наплыву пациентов и сотрудников, спешащих на рабочие места.

— Что с ногой? — тут же заметил Сергей Эдуардович, что я хромаю. Я была рада переключиться на другую тему.

— Небольшая травма, — действительно небольшая. — Упала со скутера несколько дней назад, но уже практически все зажило. Немного напрягла с утра ногу, вот она и побаливает.

— Почему сразу ко мне не обратились? — тут же становится серьезным. — Идем, я тебя осмотрю.

— Да уже почти все зажило... — ловлю на себе внимательные, заинтересованные взгляды нескольких сотрудников.

— Давай это я буду решать, — твердо, но с улыбкой. Я уже готова была согласиться, но в это время в клинику вошел Азамат. Его взгляд тут же остановился на мне.

— Ками, привет, — протягивая руку Сергею Эдуардови-

чу. — Давно ждешь?

— Нет, недавно пришла, — мотнув головой.

— Сергей, у меня к тебе просьба: Камиллу возьми к себе в отделение... — задумавшись, произнес Азамат. Сергей Эдуардович удивленно смотрит на Ромулова, но вопрос, который, я уверена, вертится у него на языке — «кем?» — так и не слетает с его губ. — Найди ей какую-нибудь работу на летние месяцы. Пусть помогает девочкам с перевязками или занимается с детьми. Сам реши.

«Не санитаркой...» — радостно бьется в голове.

— Хорошо, есть у меня пара идей, но сначала я осматриваю ее ногу. Мне нужны шустрые помощники, — подмигивая. Азамат уже собирался уходить, но тут резко остановился.

— До сих пор болит?

— Это потому, что я ее натрудила, — не собираюсь я тут ныть. Не так сильно и болит. — Чуть посижу, и пройдет.

— Веди ее в кабинет, я сейчас переоденусь и подойду, — отдав распоряжение, Азамат спешно уходит.

— Снимай штаны и садись на кушетку, — как только мы оказываемся за закрытыми дверьми кабинета. Мне отчего-то неловко. Мы тут только вдвоем, где медсестра?..

Глава 15

Камилла

Не пришлось мне раздеваться перед доктором. Сергея Эдуардовича срочно вызвали к маленькому пациенту, вернулся он вместе с медсестрой. Увидев меня, прилежно сидящей на кушетке до сих пор в брюках, строго посмотрев, произнес:

— Почему до сих пор не разделась? Тоже собираешься капризничать? — чтобы смягчить строгость тона, не выдержав, улыбнулся. — Сегодня, Елена Владимировна, у нас сложные пациенты с самого утра, — притворно тяжело вздохнув.

Увидев, что он направляется к умывальнику и включает воду, я быстро освободила себя от штанов. Поморщилась, оттого что содрала несколько едва заживших ссадин, которые теперь кровоточили. Вернулась на кушетку и прикрыла свои голые бедра штанами как раз в тот момент, когда Сергей Эдуардович, вытерев руки, обернулся ко мне. Поймала на себе удивленный взгляд медсестры, но она тут же улыбнулась, догадавшись, что именно меня смущает.

— Елена Владимировна, Камилла теперь будет работать в нашем отделении, — подходя ко мне, произносит он. Ненавязчиво отбирает штаны, передает их медсестре.

— Как интересно, — складывалось ощущение, что меня просто отвлекают разговорами, будто я ребенок, готовый в

любую секунду раскапризничаться.

— Ложись, — кивая головой на кушетку. — Эта нога не беспокоит? — интересуется он, ощупывая почти здоровую коленку, на ней практически нет царапин. Прикосновения его не вызывают раздражения, но что-то есть в этом интимное, поэтому я вся внутри сжимаюсь, словно пружина.

— Нет, — мотнув головой.

— Лежи спокойно, — принимается ощупывать, сгибать ногу, открывая обзор на крохотный кусок кружева, прикрывающего лобок. Знала бы, что меня уложат на кушетку и начнут разводить ноги, надела бы хлопковые трусы. Как только я морщусь от боли, он заговаривает с медсестрой: — Мы еще не определились с должностью, но у меня есть пара идей. Если ты помнишь, мы давно хотели нанять воспитателя или аниматора для детей, который смог бы занять малышей играми, — растягивая слова, он все это время осматривал ногу.

— Я бы не отказалась от пары лишних рук, Сергей Эдуардович, у нас две девочки скоро уходят в декретный отпуск, вы же видите, что им тяжело приходится с маленькими озорниками, — забавно было наблюдать, как сурово смотрела на доктора Елена Владимировна. — С приходом лета увеличивается рост пациентов...

— Я вас понял, Елена Владимировна, — перебив, улыбнулся молодой доктор. — Если вы в кратчайшие сроки обучите Камиллу первой медицинской помощи, я буду не против, чтобы она ассистировала на перевязках.

Не в моем характере молча наблюдать, как малознакомые люди распоряжаются моей судьбой, но в этот раз я заинтересованно помалкивала. Я была согласна на любую из этих вакансий, лишь бы не работать санитаркой! Хотя работать в детском отделении морально было бы не так сложно, в свое время я помогала маме ухаживать за Давидом, не испытывая при этом ни капли брезгливости.

— В свободное время я могла бы заниматься с детьми, — все еще находясь в лежачем положении, заговорила я.

— Камилла, тебе придется заниматься всем понемногу, — улыбнулся Сергей Эдуардович, протягивая руку, чтобы помочь мне принять сидячее положение. — Пациенты у нас маленькие, а родители у них очень капризные. Тут приходится быть и дипломатом, и психологом, и воспитателем.

— Я вас поняла.

Елена Владимировна протянула мне штаны, которыми я тут же постаралась прикрыться. У меня осталось ощущение его взгляда и рук на коже, хотя ничего лишнего Сергей себе не позволил, но я чувствовала, что ему понравилось то, что открылось его взору. Не могу объяснить, откуда взялось это ощущение.

— Сейчас Елена Владимировна обработает твои царапины, и можешь одеваться. Боль вызывает ушиб, связки целые. Если хочешь, мы можем обезболить, но противопоказаний для работы нет.

В этот момент в кабинет вошел Азамат. Сергей Эдуардо-

вич пересказал весь наш разговор. Ромулов удовлетворенно кивнул.

— Ками, я еще загляну, сейчас я спешу на обход, — с этими словами он вышел из перевязочной, а за ним Сергей Эдуардович, прикрыв за собой дверь.

Елена Владимировна быстро взяла меня в оборот, потащила за собой к первому пациенту. Пока она накладывала повязку, все время объясняла правильный порядок действий.

Я и не заметила, как пролетело время. Удивилась, когда девочки-медсестры, с которыми я перезнакомилась, повели меня обедать в столовую, думала, сейчас не больше десяти утра, а оказалось, уже час пополудни. Так же пролетела и вторая половина дня. Завтра я подготовлюсь к занятиям с малышами, а сегодня приходилось импровизировать. Маленькие энерджайзеры были довольны нашим общением, в конце дня они не хотели меня отпускать. Я валилась с ног от усталости, а впереди еще дорога домой... с пересадками.

— Камилла, я подброшу тебя до метро, подожди меня несколько минут, — предложил Сергей Эдуардович, когда я покидала отделение. Мы практически не пересекались весь день, я даже забыла о своих утренних подозрениях.

— Не нужно, я сама доеду, — попыталась смягчить отказ вежливой улыбкой.

— Это не обсуждается, ты и так весь день на ногах, — не слушая дальше возражений, он направился в свой кабинет.

Обдумывая, как все-таки отделаться от его предложения, вышла на крыльцо. Первое, что бросилось в глаза – машина Левы...

Глава 16

Камилла

Я почувствовала, что Бессонов меня увидел, раньше, чем он вышел из машины. На коже осталось ощущение его взгляда. Обычно я не теряюсь, веду себя уверенно, но тут мне захотелось отступить, спрятаться за стенами клиники. Волнение зашкаливало. В солнечном сплетении пекло.

Он притягивал к себе взгляды прохожих. Высокий красивый парень спортивного телосложения на дорогой тачке. Ничего кричащего в его внешности нет: белая футболка, подчеркивающая ширину плеч, джинсы, которые сидят на нем круче, чем на моделях в модных журналах.

— Ну, идем? — подхватывает меня под локоток Сергей Эдуардович. Я совсем забыла, что он обещал меня подвезти, а я вместо того, чтобы придумать причину, почему не хочу ехать с ним, стояла тут и рассматривала Бессонова.

Вот что со мной не так? Не билась вроде головой, когда падала со скутера!

Бессонов при появлении доктора и его немного фамильярном обращении напрягается. Такое ощущение, что в воздухе стало слишком много озона, так бывает перед грозой. Губы Бессонова вытягиваются жесткой линией, взгляд, как у хищника перед нападением, но при этом на его лице играет ухмылка, от которой по телу проходит озноб, остав-

ляя на коже ледяную острую крошку.

— Сергей Эдуардович, спасибо за предложение подвезти, но не нужно...

— Камилла, даже слушать ничего не буду, — не дослушав, начинает он: — Тебе нужно побереечь ногу, — обольстительно улыбнувшись. Наверняка это отработанный ход. После таких улыбок девушки бывают готовы на все, но на меня эти приемы не действуют. Я росла в обществе красивых мужчин, я видела, как на их манипуляции реагировали девушки, изучила все повадки и еще в подростковом возрасте дала себе слово не быть такой идиоткой. Так и вертится на языке: «Сергей Эдуардович, не старайтесь, на меня ваши улыбочки не действуют, вы только зря тратите со мной время». В это время доктор продолжает меня обольщать, не замечая приближающегося Бессонова: — Мне будет приятно провести в твоём обществе несколько лишних минут.

— Добрый вечер, — останавливается прямо напротив нас Лева. От его голоса волосы на руках поднимаются. Ничего «доброго» в его тоне нет.

— Добрый. Мы знакомы? — сузив глаза, будто это поможет скорее понять, кто перед ним стоит.

— Нет, — холодно отвечает Бессонов, но тут же добавляет: — Руку убери, — указывает взглядом.

Сергей под действием этого взгляда отпускает мой локоть. Во мне вскипает злость на Леву. Так себя ведет папа. Он способен одним взглядом поставить человека в неловкую ситу-

ацию. Мои одноклассники, да и не только одноклассники, только при одном появлении папы начинали вести себя так, словно всю жизнь были послушными образцовыми детьми. Папу я люблю и уважаю, а Бессонову я не давала права себя так вести. С другой стороны, я не хочу осложнений на работе, поэтому где-то очень глубоко в душе благодарна Леве за то, что он избавит меня от навязчивого внимания Сергея Эдуардовича.

— Камилла, иди в машину, — тон Левы смягчается, когда он обращается ко мне, но это не гасит тот пожар ярости, который он разжег своим поведением.

— Извини, — стараясь держать лицо, произносит Сергей Эдуардович.

Они практически одного роста, Лева сантиметров на пять выше. Доктор не уступает ему в комплекции, хотя у него не такие широкие плечи. Мне кажется, он даже весит килограмм на десять больше Бессонова, но отступает, потому что чувствует более сильного противника.

— Я просто предложил подвезти Камиллу, я давно знаком с ее семьей... — начинает оправдываться, но тут же спотыкается, чем вызывает усмешку на губах Левы.

Он смотрит на доктора, словно на таракана. А перед тараканами Бессонов объясняться не станет. Конечно, отношения Сергея с моей семьей сложно назвать «приятельскими», в то время как Лева в нашем доме — все равно что очень близкий родственник. Я вообще в детстве всех друзей отца

считала дядями, а их детей — своими братьями и сестрами.

— Сергей Эдуардович, Лева — старший брат Кирилла Бессонова, — одной этой фразой я оправдываю и объясняю поведение Левы. Ловлю на себе взгляд Бессонова, но мне некогда угадывать, что он означает.

Сергей, бесспорно, знаком с Киром и его родителями, тот вечно лезет в драки, совсем недавно ему снимали гипс с ноги, он подрался в школе, и оба подростка слетели с лестницы. С различными травмами их доставили в клинику Азамата. На лице доктора читается понимание. Он уже соединил в голове все ниточки, которые нас могут связывать с Бессоновым.

— Рад был познакомиться, — не очень искренне. — Тогда оставляю тебя с твоим другом, увидимся завтра на работе...

— Я не дружу с девушками, — что хотел сказать этой фразой Лева, остается только догадываться. Сергей Эдуардович, как-то неуверенно кивнув, попрощался и поспешил к своему автомобилю...

Глава 17

Камилла

Я не очень расстроилась, что с Сергеем Эдуардовичем Бессонов вел себя грубо. Навязчивое внимание мне было неприятно. Лучше это все было прекратить на начальной стадии. Я планировала вежливо поговорить, но необходимость в разговорах отпала. Как это повлияет на мою работу в отделении травматологии, пока сложно предсказать. В любом случае я здесь временный сотрудник, три месяца как-нибудь вытерплю.

Проводив доктора взглядом, я подумывала, как мне поступить. С Бессоновым я не знала, как себя вести. С ним мне трудно было пойти на контакт. Злило постоянное чувство неуверенности, которое я испытывала, находясь в его обществе. Я уже молчу про волнение, охватывающее меня каждый раз, стоило Бессонову появиться.

Ехать с Левой в одной машине мне категорически не хотелось. Если поставить на весы его компанию до дома и проезд с тремя пересадками, я предпочла бы выбрать второе, несмотря на мою ноющую от боли ногу. Жаль, что Бессонов так изменился, это уже не тот внимательный старший товарищ, в которого я в детстве была тайна влюблена.

Молчаливая пауза, повисшая между нами, затянулась. Мне нужно было время подумать, Бессонову – подавить свой

гнев. Как только машина Сергея Эдуардовича выехала за ворота, он спокойно произнес:

— Идем, я отвезу тебя домой.

— Ты, наверное, не в курсе, но мне запретили пользоваться услугами такси, теперь в моем распоряжении весь общественный транспорт, которым я и собираюсь воспользоваться, чтобы добраться до дома, — пока я на одном дыхании выдала эту речь, ни разу мой голос не дрогнул. Могу собой гордиться.

— Ты поедешь со мной, — все так же спокойно. — Высажу тебя на автобусной остановке, — выражение лица становится упрямым, как только я начинаю мотать головой. Конечно, ехать в комфорте предпочтительнее, я бы с радостью согласилась, будь на месте Левы Ванька. — Ками, не будем мериться силой и упрямством, — он не договорил, но между строк читалось: мне не выстоять в этот противостоянии.

— С пересадками мне добираться до дома два часа. У папы наверняка стоит программа слежения, он точно будет знать, по какому маршруту я передвигалась, — привожу доводы, против которых ему нечего будет возразить.

— Я тебе больше скажу: наверняка он оставил рядом с тобой кого-то из охраны, — я тут же высматриваю знакомые машины за оградой клиники. — Но это не мешает мне отвезти тебя до дома.

Непробиваемый упрямец! Легче Москворецкий мост сдвинуть с места, чем заставить Бессонова отступить.

— Ты разговаривал с папой? — с подозрением смотрю на Леву. Подозреваю, что он получил его одобрение.

— Нет. Мама разговаривала с Лерой и Радой по видеосвязи, когда я был дома. Лера переживает, что твоя нога еще не зажила, а судя по тому, что я наблюдал, так и есть, — не спрашивая, а утверждая. — Рада думала попросить Ваньку, чтобы он тебя подвез, но у него в это время тренировки. В это время я находился на кухне, и они об этом знали. Было бы странно, если бы я промолчал и сделал вид, что ничего не слышу.

Даже не знаю, что меня больше удивляет — то, что, услышав разговор мам, Бессонов решил поработать моим личным водителем, или то, что он мне подробно объяснил, что предшествовало его появлению здесь. Обычно он не так многословен.

— Хорошо, поехали, — сдаюсь без особой радости.

Сажусь на заднее сиденье, на переднее не тянет, не вынесу тесного соседства с Бессоновым. Хотя с Ванькой всегда езжу на переднем. Лева никак не реагирует, он вообще ведет себя словно молчаливый водитель такси. Минут десять мы едем в тишине.

Нога ноет, скинув обувь, я поднимаю и вытягиваю ноги на сиденье. Ловлю взгляд Бессопова в зеркале. Открыв окно, Лева включает музыку, достав сигарету, прикуривает. Прикрыв глаза, я тайно за ним наблюдаю через зеркало заднего вида. Зачем я это делаю, объяснить себе не могу, но не

подглядывать за ним не получается. Я тащусь от того, как он держит сигарету, как зажимает ее в красивых губах, как медленно делает затяжку, а потом, задрав немного голову, выпускает дым. У меня вызывают дрожь его действия, губы пересыхают. В голове рождаются порочные образы, где его губы соприкасаются с моими.

Во время оставшегося пути я практически не открываю глаза. Пытаюсь унять учащенное сердцебиение. Когда автомобиль останавливается на остановке, я спешу скорее выбраться на улицу, глотнуть свежего воздуха, чтобы выветрить из головы и легких запах Бессонова. У меня ощущение, что я пропахла им, хотя Лева ко мне даже не прикоснулся.

— Пока, — бросила фразу, захлопнув дверь.

Лева выходит из машины следом за мной, останавливая, хватая меня за руку...

Глава 18

Камилла

Посмотрев на время в телефоне, стукнулась затылком о подушку, застонав со злостью на себя, на Бессонова, на всю эту ситуацию. Три часа утра, мне скоро вставать нужно, а я никак не могу заснуть.

Лежа в своей постели без сна, я продолжала думать о Бессонове. Перед глазами отчетливо стояла картина нашего прощания, от которой меня до сих пор трясло. Даже родители заметили, что я весь вечер задумчивая и расстроенная, пришлось врать, что я устала, и у меня болит нога. Отец тут же нахмурился, но своего решения о наказании не изменил.

Я не сяду больше в машину к Леве! Не сяду!

Закрываю глаза, и в памяти тут же всплывает картина: Бессонов схватил меня за руку, когда подвез к остановке.

— А волшебные слова сказать? — с ухмылкой, которая ясно определяла, что ему моя благодарность нафиг не сдавалась. Хотя для чего-то он ведь меня остановил?

— Спасибо большое, что довез меня до дома, — спокойно и очень вежливо, но не удержалась и в конце добавила: — Хотя я тебя об этом не просила.

Я старалась не обращать внимания на то, как учащенно бьется сердце, потому что Бессонов стоял ко мне непозволительно близко. Его рука продолжала удерживать локоть, а

большой палец поглаживал кожу, словно успокаивая. Только не успокаивал он, а заставлял волноваться.

— Когда у меня не получится тебя забирать, за тобой будет приезжать Ванька, — проигнорировав мой выпад, жестко произнес Лева. Его властный тон мне не понравился, все внутри взбунтовалось, но это было еще не все. — В чужие машины чтобы не садилась, — сквозь зубы процедил Бессонов. Вот это его предупреждение явно было лишним. Не помню, когда я так быстро поддавалась гневу.

— Если ты беспокоишься о том, что я могла уехать с Сергеем Эдуардовичем, то спешу сообщить: мы давно знакомы, а теперь он еще и мой начальник, — подражая его тону. — Меня в детстве родители научили не садиться в чужие машины, если ты не заметил, я выросла и не нуждаюсь в твоих наставлениях.

— То, что ты выросла, я давно заметил, — его взгляд изменился, стал темным и порочным, прошелся по моей фигуре, задержался на груди, оставив ощущение, что он меня коснулся.

Прикрыла глаза, чтобы скрыть свою реакцию. Вместо возмущения я старалась побороть внутреннюю дрожь.

— Мне нужно идти, — попыталась вырвать руку, но он сильнее ее сжал и дернул на себя. Я грудью ударилась о его крепкий торс. Подняв свободную руку, Лева сжал мой подбородок. Вынуждая запрокинуть голову вверх, он смотрел в мои глаза, медленно лаская подушечкой пальца нижнюю гу-

бу.

Он во мне такой ураган чувств поднимал, что меня словно в ознобе трясло. Каждая клеточка в теле реагировала на его прикосновения.

«Что будет, если он меня поцелует?» — пришла в голову дурацкая мысль. Лучше не надо. Вряд ли его поцелуй оставит меня такой же равнодушной, как поцелуй Андрея. Словно прочитав мои мысли, он потянулся к моим губам. Для меня мир в этот момент сузился до темных радужек его глаз. От волнения пекло в солнечном сплетении, во рту резко пересохло. Если бы не пролетающая по трассе машина, которая заставила меня дернуться, я уверена, он бы меня поцеловал.

— Беги домой, — огладив в последний раз контур моих губ, он отступил. Я развернулась и гордой походкой удалилась, ни разу не обернувшись. Я чувствовала на себе его взгляд, он проникал под одежду, оставляя ощущение прикосновений на коже...

Чего можно ждать от человека, который не выспался? Раздражительности, замкнутости и плохого настроения. Не могла даже чашечка кофе. Обычно я не пью по утрам кофе, но тут нужно было как-то просыпаться.

Опасаясь, что за мной приедет Бессонов, из дома я вышла пораньше минут на двадцать. Мама пробовала меня отговорить от столь раннего похода к остановке, но я уверила ее, что у меня появилась привычка дышать свежим прохладным воздухом раннего утра.

Автобуса не было, я сидела под козырьком остановки и смотрела на пустую трассу, на жужжащих в траве шмелей. Машина с охраной стояла метрах в пятидесяти от меня и наблюдала за моими действиями. Вчера я была слишком раздрадована, чтобы их заметить.

Когда возле меня остановился отцовский внедорожник, я даже не удивилась.

— Садись, сегодня я отвезу тебя на работу, — предложил папа, а я с радостью поспешила в машину. Теперь точно не пересекусь с Бессоновым. А вечером... вечером я что-нибудь придумаю.

Глава 19

Камилла

Сергей Эдуардович весь день держался со мной отстраненно. Обиделся мужик. Папа всегда внушал моим братьям, что обиды – для девочек. Если мужчину что-то зацепило, он должен подойти и выяснить все вопросы или отпустить ситуацию, если она не стоит внимания. Мне не совсем было понятно поведение взрослого мужчины, коим являлся Сергей Эдуардович.

На моей работе обидки доктора никак не отразились, я занималась тем, что поручала мне Елена Владимировна – играла с детьми, ассистировала на перевязках, раскладывала препараты.

Чем бы я ни занималась, а из мыслей прогнать Леву не получалось. Прочно засел!

— Елена Владимировна, можно я уйду сегодня пораньше с работы? Минут на двадцать? — спросила старшую медсестру, к которой была приставлена весь день. Последние часа два я слонялась без дела, поэтому не видела причин оставаться на работе до конца смены.

В планах было избежать встречи с Бессоновым. Рядом с ним меня не отпускает ощущение, что я хожу по острию бритвы. От адреналина дух захватывает, в груди печет, но в то же время мне страшно и волнительно, словно, сделав

неверный шаг, я могу вся изрезаться.

— С этими вопросами к Сергею Эдуардовичу, — мило улыбнувшись, Елена Владимировна вернулась к заполнению каких-то бумаг.

— Хорошо, — ничего хорошего нет, я просто хочу скорее забыть о своей просьбе. Неприятно было получить отказ, поэтому я просто выхожу из кабинета. Пойду выпью воду или чай. Хоть какое-то занятие.

К доктору мне идти отпрашиваться не хотелось. После сегодняшнего напряжения между нами я тоже старалась с ним не пересекаться. Замечательная атмосфера на работе. С возвращением Бессонова в моей жизни стал твориться какой-то ад: выпускной вечер испорчен, авария, поджог скутера, ссора с Ванькой, наказание и скрытое недовольство моего начальника.

Отпрашиваться к Сергею Эдуардовичу я бы не пошла, но этого и не понадобилось. Ванька после стольких дней молчания наконец-то прислал скупое сообщение.

«К шести подъеду, заберу тебя».

Будто знал, что я могу сбежать от Бессонова.

В пять минут седьмого я спускалась к стоянке, Ванька стоял и ждал. От него я прятаться и убегать не собиралась. Ванька был мне самым близким другом, я с девочками так не дружила, как с ним. Все эти дни очень переживала, мечтая скорее помириться.

Ванька себя винил за ту аварию. Он всегда меня страхо-

вал и прикрывал, не хотел, чтобы мне досталось от папы. В этот раз я действительно могла погибнуть. Я понимаю чувства Ваньки, понимаю, что он испугался. Не хочет он больше отвечать за такую дуру. Случись в тот день трагедия, ему с этим пришлось бы жить, смотреть в глаза моим родителям. Только поставив себя на место друга, я понимаю, что могла его жестко подставить. Но все это не отменяет моей обиды, я ведь писала, хотела извиниться, а он молчал...

Не поздоровавшись с Ванькой, села в машину на переднее сиденье. Сидим, молчим, никуда не едем. Первым никто не хочет заговаривать. Я хорошо знала своего не в меру серьезного упертого друга, он меня уже простил, если я сейчас повинюсь, он меня отругает, поэтому лучше корчить обиженную моську.

— Марат запретил прогулки с друзьями? — спрашивает Ванька, постукивая пальцами по рулю. Первым заговорил, значит, не будет ругаться, но все равно лучше еще немного покочевряжиться.

— Запретил, — сижу ровно, смотрю прямо.

— На все лето?

— Угу.

— Значит, будем сидеть вечерами у тебя дома, — заявляет серьезно Ванька, до слез трогает своей преданностью. Может ведь с друзьями тусить: бары, рестораны, природа... Приходится промаргиваться, чтобы не разреветься. Я могу кинуться ему на грудь и намочить футболку. Наверное,

скоро месячные пойдут, только этим можно объяснить мое плаксивое настроение.

— В выходные мне разрешено учиться ездить на мотоцикле под присмотром Левы, — не знаю, зачем я об этом сообщаю Ваньке, если решила не ходить.

— Хоть какое-то развлечение, — усмехается друг, тянет к моим волосам руку и наводит на голове беспорядок.

— Прекрати, терпеть не могу, когда ты так делаешь, — пытаюсь пригладить гнездо на голове. — Я еще не решила, пойду или нет.

— Пойдешь, — строго произносит Лютаев. — Это ты сейчас такая смирная, потому что свежо воспоминание и ссадины, — косится на разбитые ноги. — А через месяц-другой тебя опять потянет на приключения.

— А при чем тут Бессонов и езда на мотоцикле?

— В августе, скорее всего, мы семьями полетим вместе отдыхать, — вместо ответа на мой вопрос. Возможно, у него просто нет ответа, а своими словами Лютаев решил меня подбодрить. — А пока я буду возить тебя отбывать наказание, а вечерами забирать, — притворно вздыхая. Я прикусываю язык, чтобы не спросить о Бессонове. Почему он передумал меня забирать? — В том, что ты натворила, есть и моя вина, — произносит Лютаев. А я пытаюсь разобраться в своих чувствах. Сама ведь хотела, чтобы он от меня отстал, тогда откуда взялось чувство разочарования?

Глава 20

Камилла

Я боялась признаться себе, что меня расстраивало отсутствие Бессонова. Совсем немного расстраивало. Каждый раз, выходя из клиники, я ждала, что увижу его машину на стоянке, но там всегда находился Ванька. Не скажу, что я была против присутствия друга... просто... я стала ловить себя на мысли, что мне не хватает тех волнительных эмоций, которые вызывал Лева.

Я старалась не думать о том, где он и с кем. Запретила себе интересоваться, а Лютаев, как назло, за все эти дни ни разу не упомянул о Бессонове.

Общение с Ванькой наладилось, иногда вечерами он задерживался у нас, мы устраивали пикники на террасе, я рассказывала другу подробно о том, что происходит у меня на работе, а он, как всегда, молчаливо слушал. Конечно, мне хотелось проводить время в компании друзей, но в данных обстоятельствах я была рада, что у меня есть Ванька.

Не упоминала я в разговоре Сергея Эдуардовича. Вот не знаю почему, но старательно опускала любое упоминание о нем, хотя мы прекрасно общались с доктором. Он был мил и любезен, делал комплименты, но при этом перестал казаться навязчивым. Возможно, во вторник его мысли были забиты работой и особо тяжелым случаем, а не обидками, как я

предполагала. В среду и четверг он классно общался, даже пригласил посетить выставку современного искусства.

В пятницу доктор снова был закрыт. Мы практически с Сергеем Эдуардовичем не пересекались, он рычал на персонал, а сотрудники старались не попадаться ему на глаза. Видя, что Сергей Эдуардович нервничает, я держалась Елены Владимировны, которая всегда оказывалась в самой дальней точке от распекающего коллег заведующего. Сразу стало понятно, кто его знает лучше всех. От нее я узнала, что случилось с доктором.

Оказывается, в клинику с травмами поступил внук какого-то депутата, который требовал, чтобы Сергей Эдуардович связался с коллегами из Санкт-Петербурга и провел с ними консультацию. Депутат считал, что доктор слишком молод, его опыта может быть недостаточно, чтобы лечить его внука. На это Сергей Эдуардович ответил, что не будет никуда звонить, а если кого-то смущает уровень его компетенции, то в Москве полно частных и государственных клиник, где работают замечательные специалисты. Понадобилось вмешательство Ромулова, чтобы объяснить депутату, как себя стоит вести в его клинике. Разные инциденты случаются, далеко не все приятные.

Я так и не ответила Сергею на приглашение, хотя обещала. Нужно было сразу отказываться. Вряд ли мое наказание не распространяется на свидания. Отец ясно дал понять, что выходные я могу проводить на треке с Бессоновым, все

остальное под запретом. Я могла бы убедить маму позволить мне сходить с Сергеем на выставку, но самой что-то не хотелось — вдруг у него опять выдастся тяжелый день?

В пятницу вечером, после того, как Ванька меня забрал, я стала получать сообщения от Андрея. Он все эти дни молчал, но тут активизировался.

«Привет!»

«Ты где?»

Пока я думала над ответом, посыпались новые сообщения.

«Ничего не хочешь мне сказать?»

«Считаешь, что ничего не должна мне объяснить?»

Тон посланий не располагал к общению, но я все-таки решила ответить, как-то снизить градус напряжения. Не помню, чтобы раньше Андрей общался в таком тоне.

«Ками, ты меня игнорируешь?»

«Может, ты подождешь минутку и дашь мне ответить?» — быстро напечатав, отправила, пока он не прислал еще что-нибудь.

«Не понимаю, о каких объяснениях идет речь, может, подскажешь?» — не считала правильным выяснять отношения в переписке, но, видимо, придется. Андрей настроен серьезно, опять что-то печатает. Усердно так, уже минуты три.

— Все нормально? — подозрительно косится Ванька, отвлекаясь от дороги. Заметил, что я каждые десять секунд заглядываю в телефон.

«Твой дружок спалил мой скутер, твой отец запретил моему отцу покупать мне новый, мне запретили с тобой общаться — и ты считаешь, что ничего не должна мне сказать? Ками, я не дурак. У тебя с этим психом что-то было? Вы встречались? А может, он тебя трахнул, пока я боялся тебя поцеловать? Я хочу знать правду!»

Теперь понятно, на что он потратил три минуты — печатал вот эту грязь. Меня просто разрывало от злости. Я не ожидала от Андрея. Может, это кто-то другой печатает с его телефона?

«Не считаю нужным говорить с тобой в таком тоне!» — отправив сообщение, кинула его в черный список, чтобы не трепать зря нервы. Пусть успокоится, потом поговорим.

Разговор отложить не получилось. Когда мы подъехали к дому, Андрей сидел напротив наших ворот под деревом, держа в руках телефон, в который он усердно тыкал.

— Он, по-моему, пьян, — сообщил Ванька, бросив взгляд на моего все еще парня. Мы ведь официально с ним не расставались.

Не знаю, при каких обстоятельствах Андрей напился, но это, видимо, придало ему смелости, если уж он заявился к нам домой...

Глава 21

Камилла

Видеть Андрея пьяным мне раньше не приходилось. Он мог выпить с парнями во время пикника пару бутылок пива, если ему не нужно было садиться за руль. Никаких изменений от небольшого количества алкоголя я в нем не замечала, а тут...

Гладиатор на арене! Бесстрашный, свирепый... и пьяный!

У гладиатора прыти поубавилось, когда он увидел нас с Ванькой. Сложив руки на груди, я ждала, когда он подойдет. Не с первого раза у Андрея получилось подняться, ствол дерева служил ему опорой, но, видимо, ноги подводили.

— Интересно, сколько этот дебил на солнце просидел? — спросил Ванька.

— Ты хочешь сказать, что у него тепловой удар? — хмыкнув, скривила скептически брови. — Никогда не видела, чтобы от солнца так развезло. Да и где там, под деревом, солнце? — наблюдая за Андреем, я все больше хмурилась. — Тебе его домой везти, — не спрашивая. Ванька и сам понимал, что оставлять Андрея здесь не стоит.

— Пакет ему на лицо намотаю, чтобы он мне всю машину не заблевал, — буркнул Ванька. Андрей все-таки дошел до нас. Как только поднялся на ноги, вполне уверенно преодолел полосу препятствий – двадцать метров по прямой.

— Нам надо поговорить, — хватая меня за руку, произнес Андрей. Поморщившись от легкой боли — он умудрился защемить кожу между пальцами, — я холодно произнесла:

— Руку убери.

Андрей бросил взгляд на Ваньку, Лютаев начинал злиться. Зная его темперамент, Андрей тут же убрал руку. Ванька — он с виду спокойный, но, если перемкнет, может повести себя, как Бессонов — выбросить с балкона без сожалений. Разница в том, что он не сразу действует, как Лева. Можно контролировать ситуацию.

— Поговорим, когда ты будешь во вменяемом состоянии, но прежде не забудь извиниться за те сообщения, что мне прислал.

Перед глазами до сих пор стоят его обвинения.

Глядя на Андрея, поймала себя на мысли: как я могла с ним встречаться? Что я в нем нашла? Смазливых парней у нас половина школы, но я выбрала его.

— Это ты должна мне кое-что объяснить! Я любил тебя, а ты... ты меня предала! Он ведь не просто так возле тебя крутится. Он хуже твоего папаши, чуть не убил меня за поцелуй! Думаешь, я дурак? Ничего не замечаю?

Конечно, дурак! Мало ему было написать эти гадости, он их еще при Лютаеве озвучил. Надеюсь, камеры на улице не пишут звук, не хотелось бы вопросов от папы.

— Что у тебя с этим... — захотелось прикрыть уши руками, когда Андрей перешел на мат.

Ванька, услышав достаточно, чтобы сделать выводы, схватил Андрея за грудки одной рукой и жестко встряхнул. С рубашки Андрея отлетело несколько пуговиц, тут же затерявшихся в траве.

— Еще одно слово, и ты пожалеешь...

— Лютай, ну ты мне скажи... Скажи...

Ванька, не слушая его вялотекущий бред, несколько раз жестко встряхнув, запихнул Андрея на переднее сиденье.

— Заткнись, мы поговорим завтра, когда ты придешь в себя. Не в моих правилах бить морду пьяному, хотя ты этого заслуживаешь, — предупреждение Лютаева дошло до проспиртованного мозга Андрея. Откинув голову на сиденье, он замолчал.

— Ками, зайди домой, — кивнул в сторону ворот. Там охрана стоит наготове, спалили ссору недалеко от ворот. Парни наблюдают за инцидентом, но без команды не вмешиваются.

— Ты вернешься? — спрашиваю Ваньку. Перспектива провести вечер в одиночестве не радует. Кто-то возмутится – разве можно чувствовать себя одинокой в кругу дружной любящей семьи? Нельзя. Но семья – это другое. Я не могу открыто обсудить некоторые вопросы с родителями, с братьями тем более. Общение с друзьями – особый кайф.

— Домой поеду, — мотнув головой. — Завтра увидимся на треке, — подходит ко мне Ванька, становится близко и говорит тихо, чтобы Андрей не слышал.

— Я не соглашалась, — во мне борются две стихии, одна рвется навстречу к Бессонову, хочется его увидеть, ощутить тот ураган эмоций, которые только он способен пробуждать, с другой стороны — я обижена, что все это время он молчал, не приехал, не написал...

— Ками, Лева бросит все дела в Дубае, чтобы прилететь из-за твоих занятий. Насколько я знаю, у него скоро самолет, если ты завтра решила его продинамить, сама напиши и объяснись, — строго произносит Ванька.

— Он в Дубае? — вопрос вырывается помимо воли. В голове почему-то рождается образ яхты, на которой он с очередной моделью в белоснежном купальнике стоит на корме в обнимку...

В груди неприятно жжет от этой картины.

— У Бессоновых там есть земля, они хотят построить там гостиницу, — поясняет Ванька. Очень надеюсь, что он ничего не понял. Я ведь не могу следить за своей мимикой, вдруг чем-то себя выдала?

— Хорошо. Уговорил, завтра увидимся на треке...

Глава 22

Камилла

Я волновалась. Такое бывает с детьми, когда они предвкушают важное событие. Ничего ведь важного не было в сегодняшней встрече, тогда с чего вдруг я полночи провела в раздумьях, представляя наш сегодняшний урок вождения? Вчера Лева прислал поздно вечером сообщение:

«Привет. Если есть желание освоить езду на байке, завтра в 11:00 заеду за тобой».

«Привет. Хорошо», — так быстро ответила, словно меня кто-то подгонял. Потом уже, несколько раз перечитав сообщение от Левы, придумала несколько нормальных вариантов, как можно было ответить, чтобы завязать разговор. Или так и будем общаться короткими фразами?

Обычно я не морожусь с парнями, почему тогда с Бессоновым мне так сложно вести себя привычно? Раньше с этим проблем не было. С Тимуром, Левой, Ванькой я общалась абсолютно свободно. Сложно сейчас вспомнить, с кем мне больше нравилось проводить время. Тимур меня оберегал, позволял без умолку болтать, терпеливо сносил все мои выходы. С Ванькой мы часто спорили, но не ругались, потому что он тяжело вздыхал и уступал со словами:

— Хорошо, ты права. Девочкам надо уступать, — ворчал негромко себе под нос, но чтобы я слышала. После этого пра-

вой я себя переставала чувствовать. Ванька прикрывал мои шалости и проказы, но потом читал нравоучения, почему я не должна так себя вести. Обычно я прислушивалась, у него получалось достучаться до моей совести.

Лева...

Лева почти все время проводил с Тимуром, а значит, и со мной, потому что я вечно путалась у них под ногами. Он никогда не оставлял меня без присмотра: если Тим и Ванька лезли в бассейн, Бессонов всегда оставался со мной. Мало рассказывая о своих делах и учебе, он всегда внимательно слушал меня, спрашивал, кто меня обижает. Я любила, когда Лева ходил покупать соки и мороженое, мне он приносил самое большое и вкусное. Бессонов никогда не злился и не раздражался, что я почти все лето находилась под их присмотром – правда, в дневное время, вечером мальчишки отрывались и проводили время с девчонками постарше. Даже сейчас помню, как неприятно было узнать, что Лева с кем-то там начал встречаться...

Все это в прошлом, вряд ли получится вернуть былую легкость в наши взаимоотношения, но нужно постараться сгладить наше общение.

Мы сидели с мамой в гостиной, она складывала сухое белье, а я рассказывала, как прошел вчерашний день на работе, украдкой поглядывая на настенные часы. С каждой минутой, приближающей стрелку на часах к одиннадцати, я все сильнее нервничала, будто на первое свидание собралась идти с

парнем, в которого была влюблена.

Ровно в одиннадцать через открытое окно донесся шум двигателя автомобиля, притормозившего у наших ворот. Папа вышел встретить Бессонова, наверняка не обойдется без наставлений. Я ждала, когда меня позовут.

— Ками, за тобой Лева приехал, — войдя в гостиную, сообщил отец. Бессонов остался во дворе.

— А почему Лева не зашел? — спросила мама, отвлекаясь от своего занятия.

— Алекс и Давид засыпают его вопросами, больше всего их интересует, где его чемпионские пояса.

Мама поспешила выйти с ним поздороваться.

Выждав пару минут, чтобы унять сердцебиение, я вышла во двор. Мама с Левой о чем-то негромко разговаривали, у обоих на губах были улыбки. Я поразилась, как улыбка преобразует Бессонова. Не его саркастическая или злая ухмылка, а именно добрая открытая улыбка. Сейчас он не казался жестким и угрюмым.

— Привет, — я нервничала. Все то спокойствие, которого добивалась минутами ранее, разлетелось. Я не знала, куда деть руки, которые отчего-то стали мешать, улыбка вышла натянутая, долго удерживать ее не получилось. Мне кажется, Бессонова это только позабавило.

— Привет. Готова к первому уроку?

— Угу, — видимо, мне лучше и дальше молчать.

— Тогда пошли.

— Будьте осторожны, — видимо, мама тоже волновалось, ее улыбка, как и моя, дрогнув, быстро исчезла.

— Я не позволю и волосу упасть с ее головы, — Лева вроде в виде шутки произнес, но его обжигающий взгляд подсказал, что нифига он не шутит. — Скучала? — открывая для меня пассажирскую дверь, прежде чем я успела сообразить и убежать назад.

— А ты? Скучал? — несмотря на учатившийся пульс, я дерзнула спросить.

— Каждый день, несмотря на занятость, — выражение лица стало абсолютно серьезным, из голоса пропалась легкость. — По ночам особенно, — сделав шаг ко мне, резко остановился, будто одернул себя. Зрачки увеличились, почти закрыв радужку глаз. Подавив нервное волнение, я спросила:

— Ночами ты разве не спал? — голос просел, я даже откашлялась.

— Со сном возникли трудности, — его голос звучал как предупреждение — не стоит копать дальше. Вряд ли я готова услышать ответ, но разве голос разума может достучаться, когда накрывает эмоциями?

— Какие? — облизнув пересохшие губы.

— Не догадываешься? — мотаю головой, потому что то, о чем я думаю, вряд ли соответствует действительности. — Я тебе чуть позже расскажу...

Глава 23

Камилла

От последних фраз, сказанных низким голосом, у меня внутри все сжимается, я просто не понимаю, как реагировать. С кем-то другим я придумала бы, что ответить, но это Бессонов... взрослый и опасный.

Подушечками большого и указательного пальцев он расстирает глаза, будто устал или действительно все это время не высыпался.

Анализирую слова Бессонова. Появляются кое-какие догадки, ведь намек недвусмысленный, во всяком случае, я не вижу подтекста, хотя даже себе страшусь признать, что Лева сказал, будто ему мешает спать желание, которое он испытывает ко мне. Я уж точно не стану задавать наводящие вопросы, чтобы выяснить у Бессонова, правильно я поняла или нет. У меня от одних догадок кровь приливает к лицу.

Вот как теперь сесть с ним в одну машину и ехать на урок вождения?

— Или покажу... — после небольшой паузы добавляет Лева и улыбается. Он будто догадался, что со мной происходит, а может, увидев эмоции на моем лице, решил сгладить напряжение. Я настолько удивлена резкой переменой настроения, что мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Лева делает шаг назад, отходит к водительской двери. Напряжение, которое секунду ранее искрило между нами, пропадает.

— Садись в машину, — продолжая улыбаться. Вот как он так быстро может брать себя в руки, когда меня изнутри дрожь пронзает?

Приходится стараться выглядеть такой же спокойной и равнодушной. Подумаешь, намекнул, что из-за меня его мучает бессонница...

Интересно, Бессонов спит голым или одетым?

Что за мысли лезут мне в голову? Но их поток уже сложно остановить.

Дема, Тим и Макар спали голыми даже зимой. В детстве несколько раз так случалось, что я врывалась в их спальню, забыв постучать или покричать из-за двери. Благо всегда мне везло, я натыкалась на голые ягодицы, потому что спали ребята на животе. Один раз Дема успел проснуться и накинуть на себя простынь раньше, чем мои любопытные глазки смогли бы что-то узреть. После того случая меня отругали, а мальчишки стали запираť дверь на ночь...

То ли мне казалось, то ли в машине действительно было душно. Мне не хватало воздуха, его будто весь выпивал Бессонов. Мы сидели очень близко, стоило мне подвинуть локоть, я могла коснуться его руки. Украдкой за ним наблюдая, я отметила на загорелом лице легкую щетину, он не успел сегодня побриться. Хотелось узнать, какая она на ощупь. Отво-

рачиваюсь к боковому окну, делаю два глотка воздуха, чтобы немного остыть. Вновь кошусь на его красивый профиль: ровный нос, упрямая линия подбородка... чувственные губы.

Интересно, как он целуется?

Да что со мной сегодня?

Вновь отворачиваюсь, еще два глотка воздуха и приказ не смотреть на его лицо. Это не спасает, потому что теперь я рассматриваю его руки. Красивые руки, перевитыми венами. На запястье швейцарские стильные часы, которые чуть съезжают на кисть. Он обхватывает рычаг переключения скоростей, даже крепкие длинные пальцы перевиты венами. Его красивые руки не портят сбитые до шрамов костяшки.

Мне нужно открыть окно, пока я не сгорела тут...

— Жарко? — спрашивает Лева, когда я начинаю тыкать на кнопки стеклоподъемника.

— Угу, — неслышно соглашаюсь, хотя мои щеки пылают совсем не от жары. Смотрит мне в лицо, не знаю, что он там видит, но его кадык заметно дергается, когда он отворачивается и включает климат-контроль.

— Окно закрой, — его руки сжимают руль, увеличивается скорость движения, потому что Бессонов вдавливая педаль в пол. Через несколько сот метров он резко сбрасывает скорость. Мои эмоции – это просто какие-то американские горки!

Лева включает магнитола. Игрет мелодия, под которую

мы четыре года назад танцевали, когда отдыхали с семьями на Мальдивах. Я вспоминаю, как мы вместе купались, как я ныряла в воду, вставая на его плечи во весь рост, как я визжала при виде акул и скатов, а он хватал меня и держал на руках. Тогда я не придавала всему этому значения. Если бы мы вернулись сейчас в то время, что бы с нами было? Вряд ли я осталась бы спокойной, наблюдая за ним в одних трусах. Картинка так ясно стоит перед глазами, что мне приходится зажмуриваться, чтобы она пропала. Не пропадает. Вижу темную полосу волос, которая спускается под кромку трусов...

Сейчас бы мне захотелось их приспустить, чтобы увидеть больше. Если мне память не изменяет, то там есть на что посмотреть.

Что за сумасшествие?

Ну, хочется мне глянуть на голого мужика – смартфон в руки и порнохаб в помощь! Там такого добра в анатомических подробностях предостаточно. Нет, подавай мне голого Бессонова! Меня отец в Англию сослал бы учиться, догадайся он, о чем я думаю.

Отвлечься...

Нужно отвлечься...

У нас впереди урок вождения. Надеюсь, при Ваньке мои мысли перестанут быть такими развратно-чувственными. Кстати, о Ваньке.

— Лютаева будем забирать? — немного взяв себя в руки.

— Не сегодня, — отвечает спокойно Бессонов...

Глава 24

Камилла

— Почему? — не сдерживая удивленного возгласа. Я была уверена, что Ванька будет присутствовать на наших тренировках. Он мне был необходим! Кто будем остужать мое разыгравшееся воображение, которое наедине с Бессоновым принимает развратный характер?

— Тебе не нужны сейчас зрители, — ровным тоном произнес Лева, открывая водительскую дверь. — Сначала результат, потом зрители. Я не хочу, чтобы ты отвлекалась на посторонних. На стадионе мы будем одни, — я все еще сидела в машине, а Бессонов уже стоял на улице.

— Одни? — проговорила себе под нос. — Ты снял мотодром? — чуть громче. Выбираясь из машины, старалась подавить в себе трусливое желание отказаться от тренировки.

— Нет, я позвонил несколько дней назад директору и предупредил, что в выходные дни мотодром будет закрываться на несколько часов.

Понятно. Теперь я вспомнила, что он принадлежит Бессоновым. Когда начались проблемы с финансированием мотодрома, и его планировали закрыть, дядя Артур выкупил основной пакет акций. Не думаю, что эта покупка могла как-то обогатить Бессоновых, скорее это решение было принято под воздействием эмоций. Очень давно папа и его друзья

проводили здесь много времени, потом их сыновья учились гонять на мотоциклах, они просто не хотели, чтобы мотодром закрылся, а на его месте вырос какой-нибудь торговый центр. Этот мотодром был сердцем многих его воспитанников и тренеров.

Меня продолжало смущать наше уединение. В здании на-верняка остались работники, но на трассе мы будем одни...

Мне нужно остановить свою фантазию. Бессонов взялся научить меня водить мотоцикл, с чего я вообще взяла, что он станет ко мне приставать? У него была прекрасная возможность в машине, где мы были в абсолютном уединении, но он не воспользовался ситуацией. Причина расшалившихся нервов – разговоры о бессонных ночах Бессонова. Мысли и фантазии опять работают не в том направлении. Мне кажется, ему просто нравится меня смущать.

— Ты чего такая тихая, Ками? Ведешь себя, как трусливая мышка. На тебя это не похоже, — закрыв с брелока дверь, он взял меня за локоть и повел к входу. — Прекращай уже меня бояться, я тебя никогда не обижу, — серьезным голосом, без капли веселости.

— Я не знаю, о чем с тобой говорить, — честно, не скрывая раздражения. Почему рядом с ним я чувствую себя маленькой девочкой? Он прав, я никогда не была трусихой, наверное, поэтому меня так задела его слова.

— Раньше проблем в общении между нами не было, — останавливается, заглядывает в глаза.

— Раньше ты был другим, — моя злость придает мне смелости. — Проще, что ли, — веду плечами. — За четыре года ты сильно изменился.

Он такой красивый...

Стоит совсем близко. Сделав шаг, я могу ощутить, как бьется его сердце...

— Для тебя я все тот же, — мне нужна секунда, чтобы вернуться к теме нашего разговора. — Все тот же парень, который будет дуть на твои разбитые коленки, если ты их собьешь, — оглаживая контур моего лица тыльной стороной пальцев. У меня дыхание перехватывает от этой вроде бы невинной ласки. По коже разбегаются мурашки, в солнечном сплетении печет. — Просто теперь мне наверняка захочется их поцеловать...

— Зачем ты это делаешь? — во рту пересохло, голос звучит так, будто у меня ангина. Я заикливаюсь на его губах. Если я чуть подамся вперед, узнаю, какие они...

Вот зачем он все это говорит?

— Зачем вывожу тебя на эмоции? — уголки его губ приподнимаются, а мне вот совсем не хочется улыбаться. Я каждой клеткой своего тела ощущаю его близость.

— Да, — мне кажется, что мой голос совсем пропал, поэтому добавляю кивок.

— Мне не нравится видеть тебя закрытой.

— Не понимаю... тебя... — мотнув головой.

— Понимаешь, просто боишься, — произносит он, прове-

дя подушечкой пальца по нижней губе. От этой легкой ласки меня тряхнуло. — Идем, — тянет за собой. Он спокоен, уверен в себе, а у меня ноги ватные.

Открыв с пульта управления ворота гаража, Бессонов проходит внутрь. Здесь с десятков мотоциклов, но в глаза бросается абсолютно новый красно-черный байк. Ноги сами несут меня к нему. С него только что сняли заводскую упаковку, на протекторах даже нет пыли.

— Он твой, если научишься хорошо водить, — произносит Бессонов за моей спиной.

— Мой? — оборачиваюсь.

— Да. А пока иди, переодевайся, — протягивает пакет, в котором вижу новый костюм, обувь и шлем. — Раздевалка там.

— Как скоро я смогу его получить? — ко мне возвращается не только голос, но и азарт.

— Не факт, что ты его вообще получишь, Ками, — бросает мне вызов, который я принимаю...

Глава 25

Камилла

Не знаю, кто подбирал мне костюм, но ощущение такое, словно с меня сняли мерки. Удобно, комфортно, нигде не тянет, не жмет, не давит. Начинаю подозревать маму в том, что она дала Бессонову мои вещи, а он по ним приобретал костюм. Как еще можно объяснить такое четкое попадание? Вернусь домой, выясню.

Выхожу из раздевалки, возле ангара стоит темно-синий мотоцикл, он практически так же красив, как тот, что я могу получить, если мое вождение удовлетворит Бессонова.

В этот момент я стараюсь не думать об отце, которому ничего не будет стоить запретить мне кататься на байке. И папе будет все равно на то, что там решил Лева. Папа поставит мотоцикл в гараж, а ключи уберет в сейф.

Байк, скорее всего, принадлежит Лева. Он не такой новенький, как красный, но краска до сих пор сияет, словно его только недавно покрыли лаком. Бессонов стоит ко мне спиной. На нем черный костюм, шлем висит на ручке руля. Лева мне напоминает павшего ангела, которого отправили на землю и нарядили в современную одежду. От него веет пороком и опасностью, а еще он неприлично красив. Лева – адский огонь, который притягивает к себе невинных бабочек...

— Боишься, — не оборачиваясь, произносит он. В его го-

лосе слышится насмешка, мои щеки начинают гореть. Как давно он знает, что я стою за его спиной?

— Рассматривала твой мотоцикл. Красивый. Какую скорость он способен развить? — нервничаю, поэтому не могу замолчать. — Я думала, что ты ревностно относишься к своему железному коню и не позволяешь никому на него садиться, — не дожидаясь ответа.

Бессонов оборачивается, чуть вздернув бровь, улыбается. Понимаю, пора замолчать. Делаю оставшиеся шаги, разделяющие нас.

— Никому другому я и не позволю сесть на свой байк, — спокойно произносит Лева, а я опять вижу в его словах какой-то намек. — Садись, — тут же переходит на сухой тон. — Пока не надо, — останавливает, когда я хочу надеть шлем. Забирает его себе и кивает на байк.

Сажусь на сиденье, берусь за ручки. Сразу видна разница со скутером. Байк — зверь, скутер — домашнее животное.

Ключей в замке зажигания нет, а мне так хочется завести мотор и рвануть...

— Почувствуй его, — произносит Лева.

— Кого? Мотоцикл? — удивляюсь я.

— Да. Прежде, чем ты поедешь на нем, опиши все, что ты чувствуешь.

— Не понимаю... — хмурюсь я. Не люблю неопределенные сложные задачи, которые неизвестно как выполнять.

— Сейчас ты сидишь на нем, словно на чужеродном пред-

мете. Он отдельно, ты отдельно. Ты должна чувствовать машину, слиться с ней настолько, словно вы единый, цельный организм. Когда ты за рулем движешься на скорости, у вас одна душа на двоих. Пока я не почувствую вашего единства, ты его не заведешь, — произносит «учитель года»!

У меня от возмущения дым из ушей, наверное, валит. Не могу подобрать ни одного приличного слова, чтобы высказать то, что думаю о его методах обучения!

— Может, еще домашнее задание будет? — не без ехидства интересуюсь.

— Будет, — серьезно произносит Бессонов. Что-то он очень быстро вжился в роль. Бесит просто! — Вызубришь теорию безопасного вождения, будешь мне сдавать на практике. Приступай, — командует он, а сам надевает шлем.

Послать бы его в далекое пешее...

Посылать не приходится. Слежу за ним взглядом, только сейчас замечаю у старта второй мотоцикл — абсолютно черный, со стальными дисками и вставками. Мне от зависти и отчаяния хочется завизжать.

Оборачиваюсь на красный байк, который может стать моим.

— Давай с тобой договариваться, железный конь. Нам придется поладить, чтобы твой хозяин остался доволен, — бурчу себе под нос, не чувствуя ничего, кроме раздражения. — И как нам с тобой начать звучать в одной тональности? — произношу вслух. Мысленно пытаюсь разобраться, что чув-

ствую.

В это время заводится двигатель черного мотоцикла, Бессонов стартует и уносится на первый круг. Он сливается с байком. Не видно, где железо, где человек. Словно живая стальная птица летит по земле, а не по небу.

Я забываю о задании, которое он мне дал, заворуженно наблюдая за заездом. Теперь понимаю, о чем мне толковал Лева. Глядя на него, я не могу разделить его и мотоцикл. Завидаю их слаженности. Складывается ощущение, что машина слушается его, будто она живая и может считывать чувства и эмоции...

Я так не смогу...

Не смогу!

— Может, мне соблазнить твоего хозяина? — хлопаю байк по бензобаку и начинаю смеяться. Что за идиотские фантазии лезут мне в голову?

Глава 26

Лева

Я не шутил, когда ставил перед Камиллой условие, что она должна почувствовать стального зверя под собой, научиться ему доверять, стать с ним единым целым.

У меня кровь в жилах будет стечь каждый раз, когда она начнет гонять. Хотелось бы верить, что увлечением она перегорит раньше, чем я поседею, но, в отличие от Шаха, запрещать Ками познавать жизнь я не буду. Помню, в ее возрасте рвался все попробовать, считал себя взрослым. Если бы на меня давили родители, возможно, я бы выпал из-под их опеки и натворил бед. А так я чувствовал перед ними ответственность, не хотел расстраивать мать, хотя в восемнадцать лет думаешь гормонами, а не мозгами. Да и спорт помогал брать под контроль демонов. Балет, гимнастика – то, чем занималась Ками, но вряд ли ее неугомонную задницу можно было усмирить танцульками.

Остановившись после седьмого круга, скинул шлем. Ками не заметила даже, что я остановился. Я точно знаю, что на третьем круге она перестала за мной наблюдать. Мое внимание принадлежало ей, если бы я так хорошо не знал трассу, у меня могли быть проблемы. Эта девочка сводила меня с ума. Ни скорость, ни физические нагрузки не способны были охладить моей потребностей в ней.

Камилла сидела на мотоцикле, плавно водила ладошкой по разогретому металлу, что-то негромко приговаривала. Внутри меня разлилась лава, я хотел оказаться на месте этого металла. Чтобы, обхватив меня бедрами, она сидела на мне, водила по моей коже ладонью и шептала слова страсти, когда я буду врываться в нее...

Взяв под контроль эмоции, я подошел к Ками. Мне хотелось улыбнуться, наблюдая за ней. Закрыв глаза, она на чем-то сосредоточилась. Выражение лица при этом было уморительным.

— Открой глаза, Ками. Скорость поможет тебе лучше понять и почувствовать мотоцикл, — вытащив из кармана ключи. Глаза Камиллы загорелись восторженным огнем. — Двигайся назад, — перекинув ногу, я сел за руль. — Сиди спокойно, — приказным тоном, когда она попробовала слезть. — Держись крепче.

— Если меня не пускают за руль... то катись сам, — схватив ее за руку, не позволил слезть с байка.

— Ты будешь ездить со мной, пока я не почувствую, что ты готова, — твердым голосом. В этом вопросе я не уступлю и не позволю обсуждать своего решения. У нее одна жизнь, за которую я взялся нести ответственность. — А теперь обхвати меня руками, — отдав приказ, я знал, что подвергаю свое тело нечеловеческим пыткам. Мне хотелось почувствовать ее близость, сократить между нами расстояние и напряжение, даже если потом мне придется простоять час под хо-

лодным душем и выкурить пачку сигарет.

— Ты позволишь мне сделать хотя бы один круг? Я не буду разгоняться, — прежде чем положить руки мне талию.

— Позволю, — недолго думая. Эта бунтарка откажется завтра выходить на тренировку, если я хоть немного не уступлю. Я чувствовал ее улыбку, даже не видя лица.

Это было тем еще испытанием: сложно сосредоточиться на езде, когда все мысли только о том, что ее тело прижимается ко мне. Воображение работало на полную катушку. Я взмок так, будто в сорокаградусную жару пересекал пустыню бегом. Если ее руки скользнут хоть немного ниже...

Несколько кругов на скорости подняли Камилле адреналин, она визжала от восторга. На последнем круге я почувствовал, как ее тело расслабилось. Она наслаждалась заездом, пока я сгорал от напряжения.

— Теперь я? Можно? — с восторгом, когда мы остановились возле гаража. Ками не догадывалась, что творила со мной.

— Один круг, скорость не превышать. Ограничение сорок километров.

— Сорок километров? — возмутилась Ками, из глаз пропал блеск.

— Сорок километров, — твердым, не терпящим возражения голосом.

— Я пешком быстрее пройду! — возмущенно.

— Ками, мои решения не обсуждаются. Я говорю, ты вы-

полняешь. Не устраивает, мы едем домой, на сегодня тренировка окончена.

Я видел, как сложно ей смириться с моим авторитетом. У Камиллы сильный независимый характер, она не привыкла уступать, но проблема в том, что я всегда настою на своем, если уверен, что прав.

Бросив взгляд на новенький байк, который я купил специально для нее, она, недовольно протопав до байка, села за руль. Ровно сорвалась с места, к старту вопросов не было. Она придерживалась ограничения ровно до самой дальней прямой полосы, там Ками позволила себе разогнаться, надеясь, что я не услежу.

Но ее улыбка медленно испарилась, когда она остановилась и увидела выражение моего лица...

Глава 27

Камилла

Сорок километров в час, он просто шутит!

Какое удовольствие передвигаться по трассе, словно черепаха? Эта ласточка выжимает под триста, как ее удержать от полета в таких рамках?

Бессонов просто тиран! Пока я наблюдала, как он гоняет, чуть слюной от зависти байк не закапала. Удаляясь, я понимаю, что он вряд ли увидит и оценит скорость с такого расстояния. Есть, конечно, небольшие сомнения, но я решила рискнуть.

Какое же это счастье – чувствовать скорость...

Я поняла, что значит слиться с железным конем. На миг почувствовала себя с ним единым целым, когда ты продолжение чего-то сильного и мощного, но при этом ты управляешь этим зверем, он поддается любому твоему желанию. От восторга захватывало дух, я хотела еще... еще... и еще раз пережить эти эмоции. Это высший кайф!

Хотела только немного поддать газу, но когда стрелка спидометра перевалила за сотку, я поспешила вернуться к разрешенным сорока, но момент полета и ощущения, которые я испытала, еще долго будут оставаться в моей крови.

Я уже решила, что сделаю все, чтобы получить мотоцикл, который стоял в гараже. Если надо, я буду часами общаться,

сливаться, выполнять все требования Левы, лишь бы вот так парить...

Как же сложно было удержаться и не сорваться на оставшейся дистанции. Я завершила круг на черепашьей скорости, а на коже все еще ощущала скорость полета. В крови гулял адреналин.

Он все видел...

Мой восторг мигом улетучился под холодным жестким взглядом Левы. С губ сползла улыбка. Хорошо, что он ее не видел, потому что я не сразу сняла защитный шлем. Бессонов спокойно направлялся в мою сторону, но это спокойствие было показным, словно затишье перед бурей.

У меня было ощущение, словно резко похолодало, тело покрылось мурашками. Наивно было полагать, что Бессонов не станет придиристо присматриваться к моим действиям.

Вздрогнув под его потемневшим злым взглядом, я готова была трусливо ретироваться в раздевалку, но боюсь, он меня и там достанет. Вряд ли его остановят двери и замки.

Лева молчал. Подавляя своей энергетикой, возвышался надо мной, словно башня. Рядом с ним я чувствовала себя маленькой и хрупкой. При желании он может легко меня переломить. Молчание затягивалось, давило на совесть и вызывало страх. Сердце билось с перебоями.

Лучше бы он кричал.

— Не молчи! — не выдержав давления, выпалила зло. Наверное, мой страх и эмоции стали катализатором к последу-

ющим действиям.

Подняв руку, Лева впутал ее в мои волосы и сжал затылок. Желваки дернулись на его лице. Сложно смотреть в глаза Бессонова и оставаться равнодушной. Думала, сорвется и начнет кричать...

Я успела схватить ртом воздух раньше, чем властные жесткие губы впились в мой рот. Бессонов наказывал меня. Весь гнев, что я вызвала своим поступком, обрушил на мои губы. Казнь за непослушание, за то, что посмела опять рискнуть.

Я не могла оценить его поцелуй. Лева умышленно причинял боль, давал почувствовать обуревающий его гнев. Он выбрал действенный способ наказания. Нашел точку выплеска своих эмоций, а мне хотелось ударить, укусить его. Лева будто разрушал что-то дорогое и бесценное своими действиями, но я никак не могла понять, что именно он разрушает.

Пальцы, впивающиеся в кожу на затылке, ослабили хватку, принялись массировать, словно извинялись за причиненную боль.

Поцелуй изменился. Ушла жесткость и злость. Поцелуй не был мягким или нежным, он был горячим, страстным. Меня целовал не мальчик, а опытный мужчина. Губы ожили под его натиском.

Язык Бессонов властвовал в моем рту, заставляя отвечать на страстные выпады. Он утверждал свою власть, покорял, разжигал пожар в моем теле. Я пьянела от его губ. Из руки

выпал шлем и ударился об асфальт, но это все проносилось фоном.

Внизу живота сжимались мышцы, я словно горела внутри. Мешала одежда, которую хотелось скинуть. Прижимаясь к Леве, я растворялась в чувствах и ощущениях. Вдыхала его мужской терпкий запах разогретой солнцем кожи.

Это был мой первый, первый взрослый настоящий поцелуй...

И так же внезапно, как он случился, поцелуй оборвался. Я была против, я хотела возразить и даже потянулась к его губам, но Бессонов, понимая мой порыв, прижал голову к груди, спрятав лицо на своем плече. Я слышала, как бьется его сердце, мое тоже билось громко и часто.

— Иди переодеваться, я отвезу тебя домой... — его голос звучал непривычно низко.

— Извини, что я нарушила запрет, — сама не знаю, почему начала извиняться. Появилось ощущение, что он больше не станет меня тренировать. — Обещаю, это было в последний раз...

— Ками, ты не готова к скорости. Ты тащишься от адреналина, на байке ты его еще не скоро испытаешь. Эти ощущения можно заменить, — произносит он и, поддев пальцами лицо, поднимает так, чтобы смотреть в мои глаза. — Сексом...

Глава 28

Камилла

Одно дело думать и представлять себя в постели с Бессоновым, совсем другое – слышать, что мысли наши сходятся. Мне кажется, я в жизни так резко не краснела. Хотя и не могла видеть себя в зеркало, но я явно чувствовала, что мое лицо пылает. Наверное, я похожа сейчас на вареного рака. Наблюдая мое смущение, Бессонов пытается скрыть улыбку, чем вызывает злость. Я для него маленькая, неопытная, смешная девчонка.

Вот заговорил он о сексе для чего? Чтобы наказать?

— Ты предлагаешь мне заняться сексом? — голос почти не дрогнул, спасибо злости, что вытеснила смущение. По взгляду Бессонова можно было понять, что мое «предложение» его заинтересовало. Воспринял на свой счет. Как бы не так. — Благодаря тебе я осталась без парня, а поиск нового займет время. Хотя есть у меня на примете один молодой доктор... — провокация чистой воды, мне просто хотелось смыть выражение превосходства с его лица.

Шаг, что нас разделял, не мог спасти от мгновенной кары. Превосходство с его лица исчезло, только меня это не радовало, взгляд Левы горел таким бешенством, что мне хотелось бежать от него. Только невозможно вырваться из железных тисков, коими стали его пальцы, сжимающие мои плечи.

Втянув громко воздух через нос, он холодным голосом процедил:

— Заниматься сексом ты будешь только со мной! — в его голосе столько уверенности, что я теряюсь. Если раньше я воспринимала его слова как флирт, сейчас стало абсолютно понятно: Бессонов настроен серьезно. — Не делай меня убийцей, Ками! Даже находясь в тюрьме, я не позволю никому к тебе приблизиться, ты только моя, — он стоит и смотрит мне в глаза, а у меня руки леденеют.

Он не шутит. Меня пугает его одержимость, но в то же время я ощущаю незнакомый трепет. Наверное, я дура, но мне доставляет удовольствие осознавать, что Бессонов меня присвоил. Нагло, дерзко, жестко.

— Я не твоя, Лева, — сдаваться сразу я не собираюсь. Привык, что девчонки за ним бегают. Я не буду.

— Ками, я даю тебе время насладиться свободой, — руки на моих плечах расслабляются. Все еще удерживая, он уже не делает мне больно. — Привыкай к мысли, что будешь моей.

Он мне, конечно, нравится. Даже больше, чем просто нравится, но терпеть властные замашки я не буду.

— Ты не думал, что я сначала должна тебя полюбить? — отхожу от него на два шага, его ладони соскальзывают с моих плеч, Лева позволяет мне отойти. Встаю в закрытую позу — скрещиваю руки на груди и жду его ответа.

— Хотя своего патлатого ты не любила, меня полюбишь, — с уверенностью. Злит его непробиваемость.

— Не знала, что чувства возникают по твоему щелчку пальцев.

— Я никогда не бросаю пустых обещаний, Ками, — на губах легкая улыбка. — А теперь иди переодевайся, я буду ждать тебя возле машины, — он уже принялся расстегивать костюм прямо при мне.

Не хочу проверять, есть у него под костюмом что-нибудь или нет, спешу в раздевалку.

— Мой папа не позволит тебе встречаться со мной, — кричу, не оборачиваясь. Мне кажется, я нашла прекрасный довод остудить его пыл. Хотя в душе я буду сожалеть, если Лева отступится от меня.

— Предоставь мне самому решать вопрос с Маратом, — прилетело мне вдогонку. Я сделала вид, что не услышала.

Приятное возбуждение сопровождало меня все время, что я провела в раздевалке. Я радовалась, словно девочка-малолетка, что лучший парень района будет ухаживать за мной. Хотя об ухаживаниях он ничего не говорил...

Бессонов стоял у машины. Прислонившись спиной к водительской двери, он курил. С виду Лева выглядел расслабленным. Ноги скрещены, плечи расслаблены, но глубоко затягиваясь, медленно выдыхал сизый дым, будто хотел успокоиться. Меня саму потряхивало от переизбытка эмоций.

Боясь выдать свои чувства, я несколько раз глубоко вздохнула, только потом приблизилась к машине.

— Садись вперед, — будто прочитав мои мысли, а я ведь

еще не дошла до задней двери. Ничего не говоря, села на переднее пассажирское сиденье.

Закончив курить одну сигарету, Лева подпалил вторую. Красиво откидывая голову назад, он выпускал дым. Я смотрела на его губы и вспоминала, как они меня целовали...

Я не должна об этом думать!

Выкинув недокуренную сигарету, он сел в машину, но заводить мотор не собирался.

— Поехали на озеро?..

Глава 29

Камилла

Предложение Бессонова прозвучало настолько неожиданно, что я растерялась с ответом. Первым желанием было отказать, причем панически выкрикнуть: «Нет!».

После разговоров о сексе я, должно быть, полная дура, что вообще рассматриваю перспективу остаться с ним наедине и практически без одежды. Сердце колотится в груди, предвкушая еще одно мое безумство.

— Сейчас? — вот чувствую, что не нужно этого делать, но меня так тянет к Бессонову, что ничего не могу с собой поделать. Заводят все эти провокации, флирт, поцелуи, наши разговоры и ссоры. Надеюсь, Лева знает, что делает, потому что я не очень понимаю, к чему все это приведет.

Поездка на озеро вдвоем — грань, которую не стоило бы переходить, но ведь так хочется поцелуев, ласк, интимности. У меня в солнечном сплетении от волнения так печет, что больно.

— В любое время, когда захочешь, — спокойно поизносит Лева. Он смотрит перед собой, кажется, что, в отличие от меня, Бессонов полностью спокоен и расслаблен.

— Мы будем там только вдвоем? — затаив дыхание, жду ответа. А сама себе честно признаюсь, что представляю на берегу только нас двоих.

— Тебе нужны свидетели? — повернувшись ко мне лицом. В уголках губ прячется улыбка. Я слышу в его вопросе вызов, а еще там скрыт тонкий намек, который заставляет мое сердце учащенно биться.

— У меня запрет на встречу с друзьями, запрет на любые развлекательные мероприятия, ты же знаешь, — произношу я, но в душе жду, что он придумает, как обойти запреты.

— Я не твой друг, Ками, — произносит твердым тоном Лева, рассеивая мои детские воспоминания.

— А кто ты? — в моем голосе присутствует вызов. От чего-то больно расставаться с прошлым, где он был другом Тимура, следовательно, и моим.

Несколько секунд молчит, будто подбирает щадящую формулировку, а потом выдает:

— Я мужчина, который сделает тебя своей, — строго, будто предупреждает, чтобы я не смела возражать. Умеет он одним потемневшим ледяным взглядом понизить температуру. — Ты моя, Ками, я ведь предупреждал.

Вместо того, чтобы возмутиться, я пытаюсь побороть трепет, который охватил не только тело, но и разум.

— А если я не отвечу на твои чувства? — не особо рассчитывая, что его это остановит. На самом деле я бы разочаровалась, если бы он отступил. Хотя Бессонову не стоит знать, что его примитивные собственнические выходки почему-то находят отклик в моей душе. Мне хочется быть с ним.

— Ответишь, — без капли сомнений. Только из чистого

упрямства мне хочется вытравить эту уверенность из его голоса.

— Посмотрим, — гордо вздернув голову, отвожу взгляд в сторону.

— Предложение искупаться и позагорать остается в силе, — напоминает он, сворачивая предыдущую тему.

— У меня нет купальника, — я уже готовлюсь к тому, что он предложит плавать в белье или вообще без ничего, но Бессонов меня удивляет.

— Заедем и купим по дороге, у меня тоже нет с собой плавок, — предлагает он.

Не знаю, что сказать. При желании я могла бы отказаться, но мне ведь самой хочется. Хочется не с друзьями куда-то сходить, а остаться наедине слевой.

— Хорошо, но только недолго, — уступаю я, но внутри очень сильно нервничаю. Я осознаю, что легко сдаюсь, но надеюсь, мое поражение сейчас принесет мне в будущем победу.

— Дотемна верну, — легко и с улыбкой, будто несколько минут назад он не испепелял меня своим опасным холодным взглядом.

— Дашь закурить? Хочу попробовать, — вот не живется мне спокойно. Сама не знаю, зачем мне эта провокация, но он ведь сам говорил, что в его присутствии я могу делать все, что захочу. Я просто должна прощупать рамки.

Лева не торопится с ответом, не смотрит на меня, но я

замечаю, как меняется энергетика в салоне.

— Я куплю легкие сигареты, эти для тебя слишком тяжелые, — произносит он, кивая на пачку, которая лежит на приборной панели.

— Тебе нравятся девушки, которые курят? — я знаю ответ на этот вопрос, не думаю, что Бессонов изменил свое мнение.

— Нет, — твердо, без колебаний.

— Тогда почему позволяешь курить мне?

— Всю ту дичь, что лезет в твою голову, ты лучше будешь творить при мне, чтобы я мог ее контролировать.

— Я только несколько затяжек, — беру с приборной панели пачку, достаю одну сигарету и прикуриваю. Мне это не нравится, мне это не надо, но так интересно наблюдать за тем, как поведет себя Бессонов.

Позволяет. Даже сам подносит зажигалку. Он не злится, может, немного напряжен. С трудом сдерживая кашель, я выпускаю первую струйку дыма.

— Попробовала? — после третьей затяжки протягивает руку и забирает у меня сигарету. Он ее не выбрасывает, докуривает.

— Да.

— Больше ты курить не будешь, — спокойно произносит он.

— Почему?

— Ты ведь просила разрешения попробовать, а пробуют

Один раз, потом вытягиваются.

— А если я захочу втянуться?

— Я не позволю. Тебе еще моих детей рожать...

Глава 30

Бессонов

Я хотел свою девочку. Хотел безумно, до болезненной тяжести в паху, до темных вспышек перед глазами, когда она была рядом. Сложно держать руки при себе, постоянно хочется ее касаться, обнимать, впечатывать в свое тело, целовать, ласкать, утопать в ней. Брать нежно и жестко, чтобы с криками...

Я тронусь умом, если не буду ею обладать в ближайшее время. Сколько я еще продержусь?

Ками – изысканная приманка для моего внутреннего хищника. Я готов добровольно лезть в капкан, только чтобы обладать ей в полной мере. Ожидание было слишком долгим, поэтому так сложно бороться с собой. Я помешан на девочке, которую не должен трогать. В представлении ее отца наверняка сначала следуют романтические невинные ухаживания, потом серьезный разговор с родителями, помолвка, а первый секс только после свадьбы.

Так не будет. Ками страстная и слишком отзывчивая девочка. Пусть она не признает нашего влечения, но я замечаю в ней малейшие изменения: как она задерживает дыхание, когда прикасается ко мне, как облизывает пересохшие губы, когда я своими провокационными действиями или словами выбиваю ее из зоны комфорта. Если вначале она боялась ме-

ня, то сейчас украдкой наблюдает.

Она почти сразу ответила на поцелуй...

Воспоминания об этом не дадут мне уснуть ни в одну из последующих ночей.

Предложение поехать на озеро было спонтанным. Самые яркие воспоминания, связанные с Камиллой, крутятся вокруг водоемов. Я учил ее плавать, постоянно катал на себе, спасал, когда она тонула, кидал ее в воду, а она ладошкой билась по водной глади и смеялась, когда окатывала меня брызгами, не давая открыть глаз. А потом она выросла, я перестал ходить с ними на озеро или отдыхать у бассейна.

Я понимал, какому испытанию собираюсь себя подвергнуть, но готов был рискнуть. Камилла любит плавать, любит быть на природе. Не хочу, чтобы она лишалась своих радостей. В том, что она отбывает наказание, есть и моя вина.

— Купальник я выберу сама, — предупредила Ками, когда мы подъехали к торговому центру. — Встречаемся через двадцать минут на стоянке, — деловым серьезным тоном, но я видел, что она волнуется.

— Хорошо, — сдержав улыбку.

«Я дождусь момента, когда смогу оценить твой выбор», — мысленно усмехнувшись, иду выбирать плавки.

Ками идет в пасть к тигру и понимает это. Я ведь ясно дал понять, какие имею на нее планы. Если она согласилась пойти со мной плавать, должна понимать, что будет продолжение. Пусть лайтовое, но будет. Я собираюсь приручать ее к

себе. Не будет никакого гребаного благородства, я не евнух.

Отец, когда узнает, захочет мне голову оторвать, но он этого не сделает. Рано или поздно все поймут, что тут без вариантов. Она родилась, чтобы быть моей. Вряд ли Марату легко будет принять наши отношения, но выбора я не оставлю. Я уважаю его, но от Ками не отступлюсь.

Мне хватает десяти минут, чтобы купить плавки. Когда Камилла выходит, я уже жду ее в машине. По дороге захватил только воду и сигареты. На обратном пути они мне точно понадобятся. Еду заказал в хорошем ресторане, нужно будет заехать и забрать.

— Я боюсь, — произносит Ками, сев в машину. Я и сам вижу, что она напряжена. Пакет с купальником сжимает так сильно, что костяшки побелели.

— Чего боишься? — откидываюсь свободно на сиденье. У нас не так много времени, чтобы поплавать и отдохнуть на озере, но я готов просидеть так все оставшиеся часы, только бы она перестала волноваться.

— Тебя... себя... Не знаю, — отвернув лицо в боковое окно.

— Ками, ты боишься, что я начну приставать? — несложно догадаться, какие страхи могут быть у девственницы.

— Нет... — неуверенно. — Наверное... Я не готова так быстро... — не договаривая фразу.

— Посмотри на меня, — она поворачивается, вижу, что ждет обещаний.

— Я не сделаю ничего, что тебе не понравится. Я не собираюсь твой первый секс устраивать на пляже, но не жди, что я буду пай-мальчиком. Ласки и поцелуи будут. Подумай, если ты не готова, я отвезу тебя домой, — завожу двигатель и медленно выдвигаюсь со стоянки. Я не расстроен таким поворотом. Приблизительно чего-то такого я и ожидал.

Камилла молчит. Она не спрашивает, куда мы едем. Я все-таки решил заехать забрать заказ из ресторана.

— Я хочу поехать с тобой на озеро, — громко произносит она, когда я уже думал, что она промолчит так до самого дома. Ей нелегко было признаться, вижу, как пылают ее щеки. Когда-нибудь я напому ей об этом, и мы вместе улыбнемся, но сейчас я не намерен шутить на тему ее смущения и переживаний. — Я знаю, что ты не обидишь меня, — добавляет Ками, а следующими словами просто заставляет крылья вырастать за спиной. — Я тебе доверяю, Лева, это чувство во мне с детства, и оно никуда не делось...

Глава 31

Бессонов

Бля...

Глядя на Камиллу в одном купальнике, я напоминал себе, что буквально полчаса назад она призналась, что доверяет мне и не боится. Если я уступлю той жажде, из-за которой мне срывает планку, у нас будут пздц какие проблемы.

Камилла не делает мою жизнь простой. Если купальник, то максимально открытый. Он вроде цельный, но... На хрена еще тонкие веревочки вокруг талии, если четыре пятисантиметровых лоскутка едва прикрывают интимные части тела?

Этот купальник – вызов моему контролю. Бикини раздельное было бы не таким провокационным. Проблема Ками в том, что она не въезжает, насколько сильно я ее хочу.

— Что-то не так? — спрашивает она, приближаясь ко мне.

Все не так! Я с трудом заставляю себя не думать, как легко можно разорвать эти полоски, чтобы купальник с нее слетел.

— Лева? — настороженно. Надо что-то ответить, но боюсь, голос выдаст, что у меня проблемы с контролем.

— Тебе идет, — голос звучит, как у махрового курильщика. Поправляю на носу солнцезащитные очки, откидываю голову назад, стараюсь не смотреть на ее зардевшееся от смущения лицо. Мне даже такая ее реакция вставляет.

Ками не виновата, что я сейчас как оголенный провод:

коснусь ее – и расхерачу на хрен ее невинность. Мне просто нужно несколько минут, чтобы тормознуть свою природу. Плавки не скрывают до конца реакцию моего тела, хотя должны. Камилла упрямо смотрит только мне в лицо, не опускает взгляд ниже груди. Меня бы это развеселило при других обстоятельствах, но сейчас я слишком остро на нее реагирую. Главное – не думать, что под этими лоскутками мой личный рай.

— Я окунусь, а ты пока поляну накрой, — киваю на пакеты, которые забрал из ресторана, они лежат в багажнике. Ками в машине переодевалась, поэтому я не стал их доставать, чтобы она не запаниковала, что я подглядываю.

Бросив очки на траву, я с разбегу ныряю в воду. Отплываю от берега и погружаюсь с головой. У Ками напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Она следом за мной забирает в озеро, тихо визжит, чтобы не привлекать внимание отдыхающих. Марат всю жизнь ее опекал, что, на мой взгляд, было неправильно. Она ведь абсолютно не подготовлена к реальной жизни, где до хрена опасностей. Я костыми лягу, но не дам ее в обиду, но я ведь не могу находиться рядом с ней круглосуточно. Мне эту девочку еще многому предстоит научить...

Холодная вода помогла охладить голову. Хотя рядом с Камиллой я сам себе не доверяю. Сложно не трогать девочку, когда ты ее так хочешь. Стряхнув с волос воду, подплываю к ней.

— Ты уже разложила продукты? — расстояние между нами не больше десяти сантиметров. Я тот еще мазохист, если решил проверить свой контроль. Тормоза ведь могут отказать.

— Нет, — улыбаясь, мотает головой. — Их могут собаки утащить или какая-нибудь живность залезет, пока мы плаваем. Выйдем на берег, я все сделаю.

— Ты уже синяя, — хватаю за талию и прижимаю к себе. Хотел согреть, но самому, видимо, придется сгореть. Острые соски царапают кожу, когда она качается на воде, тесно прижавшись к моей груди. Сквозь прозрачную поверхность воды отчетливо вижу острые пики, которые хочется согреть своим дыханием, попробовать на вкус, нужно только отодвинуть влажную полоску ткани вниз. Камилла видит, куда прикован мой взгляд. Я и не думаю таиться.

— Это с непривычки, сейчас согреюсь, — опять краснеет, пытается прикрыться руками, вклинив их между нашими телами.

— Оставь, — убираю ее руки. — Я согрею. Ты же не боишься? — смотрю прямо в глаза, не позволяю отвести взгляд в сторону. Молчание затягивается. Замечаю, как она сглатывает. Набирается храбрости и в следующую секунду мотает головой.

Я не хочу спешить и не буду. Обещаю себе, что дам ей возможность раскрыться, почувствовать свою женскую природу. Притягиваю ее голову и целую, но не спешу. Я действи-

тельно хочу ее согреть и немного познакомить с реакциями тела. Поглаживая талию, медленно поднимаюсь вверх. Подушечкой большого пальца нахожу сосок, обвожу его. Ками резко втягивает воздух, для нее это новые ощущения, немного пугающие, но я не позволяю отстраниться, когда она дергается назад. Прикусываю нижнюю губу, предупреждая, чтобы не дергалась. Нижняя губа у нее пухлее верхней, ее охренительно приятно посасывать, втягивать к себе в рот. Камилла забывает, что мы на воде, и полностью расслабляется в моих руках. Она пипец какая чувственная.

— Обхвати меня бедрами, — подхватив под ягодицы, вынуждаю закинуть ноги мне на талию.

— Лева... — ее глаза заволокло дымкой страсти, но она собирается сбежать.

— Я только немного тебя потрогаю, если хочешь, можешь трогать меня, — уверенно и спокойно. Сейчас я чувствую, что в состоянии себя контролировать. Первый шквал эмоций, когда я увидел ее в купальнике, отступил, но я все равно собираюсь ее соблазнять. Пусть и в лайт-версии. Надеюсь, тормоза не откажут.

— Это слишком...

— Только поцелуй и ласки, — продолжая уговаривать, обвожу горошину соска подушечкой пальца. — Я даже купальник с тебя снимать не буду.

Мысленно усмехаюсь. Его и снимать не надо, а только чуть отодвинуть в сторону полоски...

Глава 32

Камилла

Находиться вместе слевой – все равно что ступать по тонкому весеннему льду в момент паводков. Никто не может тебя уберечь... только он. Несмотря на мою настороженность, я почему-то была уверена, что меня Бессонов не тронет, не обидит. Эта уверенность шла из детства. Вероятно, его сегодняшние поступки тоже отложились на подкорке сознания. От его действий могли пострадать окружающие меня парни, хотя по большому счету это я провоцировала всякие неприятности.

Наши тела разделяли лишь тонкие полоски купальника. Поче

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.